

НИЛ

ШУСТЕРМАН

18+

Разобранные

[БЕГЛЕЦЫ]

Беглецы

Нил Шустерман
Разобранные

«Издательство АСТ»

2007

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Шустерман Н.

Разобранные / Н. Шустерман — «Издательство АСТ»,
2007 — (Беглецы)

ISBN 978-5-17-112594-3

Родители шестнадцатилетнего Коннора решили отказаться от него, потому что его непростой характер доставлял им слишком много неприятностей. У пятнадцатилетней Рисы родителей нет, она живет в интернате, и чиновники пришли к выводу, что на дальнейшее содержание Рисы у них просто нет средств. Тринадцатилетний Лев всегда знал, что однажды покинет свою семью и, как предполагает его религия, пожертвует собой ради других. Теперь, согласно законам их общества, Коннор, Риса и Лев должны отправиться в заготовительный лагерь и быть разобранными на донорские органы. Однако, как оказывается, никто из них не готов добровольно отказаться от жизни...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-112594-3

© Шустерман Н., 2007

© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Часть первая. Три экземпляра	6
1. Коннор	6
2. Риса	15
3. Лев	21
4. Коннор	27
5. Полицейский	28
6. Лев	29
7. Коннор	31
8. Риса	33
Часть вторая. Приемьши	35
9. Мать	35
10. Риса	37
11. Коннор	39
12. Риса	44
13. Лев	46
14. Коннор	48
15. Лев	52
16. Учительница	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Нил Шустерман

Разобранные

Neal Shusterman
Unwind

Russian language copyright © 2018 by AST Publishers
Original English language edition copyright © 2007 by Neal Shusterman
© Д. Александров, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается памяти Барбары Серанелла

*«Если бы больше людей становились донорами, нужды в
заготовительных лагерях никогда бы не возникло».*
Адмирал

Билль о жизни

Вторая Гражданская война, известная также как «Хартландская война», была долгим и кровопролитным конфликтом – и все из-за одной проблемы.

Чтобы положить конец кровопролитию, был принят ряд поправок к Конституции, вошедших в историю под названием «Билль о жизни».

Билль удовлетворил как сторонников аборт, так и их противников.

В нем говорится о том, что человеческая жизнь неприкосновенна с момента зачатия и до тринадцатилетнего возраста.

В период с тринадцати до восемнадцати лет родители получают право принять решение об «аборте постфактум»...

...технически не прерывающем жизнь ребенка.

Особый процесс, при котором ребенок не мертв, но и не жив, назвали «разборкой».

В настоящее время процесс «разборки» стал естественной и общепринятой частью жизни общества.

Часть первая. Три экземпляра

«В любом случае, я никогда не стремился достичь чего-то великого, но теперь, если взглянуть на статистику, у одной части меня есть шанс достичь величия где-нибудь в мире. Я бы предпочел быть хотя бы немного полезным, чем бесполезным целиком».

Самсон

1. Коннор

– Есть множество мест, где ты мог бы укрыться, – сказала Ариана. – Ты умный парень, а значит, шансы дожить до восемнадцати есть.

Коннор не уверен в этом, но одного взгляда на Ариану оказывается достаточно, чтобы сомнения умчались прочь, пусть и ненадолго. Сегодня ее глаза цвета фиалок с серыми прожилками. Ариана – настоящая жертва моды. Как только она узнает, что появился новый пигмент для глаз, она тут же отправляется делать впрыскивание. Коннор никогда не следил за модой. Его глаза остались такими же, как при рождении. Карими. У него даже татуировок нет, в отличие от миллионов детей, украшенных всевозможными картинками с младенчества. Если кожа Коннора когда-нибудь и меняется, то только летом, когда ее покрывает загар. Но на дворе ноябрь, и загар уже побледнел. Коннор пытается привыкнуть к мысли, что он не увидит следующего лета. По крайней мере, в качестве Коннора Лэсситера. Он все еще не может поверить, что его жизнь закончится в шестнадцать. Фиолетовые глаза заблестели – слезы текут по ее щекам, когда она моргает.

– Коннор, мне так жаль.

Ариана обнимает его, и в этот момент кажется, что все хорошо, и на свете никого, кроме них, нет. На миг Коннор ощущает себя невидимым, к нему никто не сможет прикоснуться... но Ариана опускает руки, и мир вокруг снова становится реальным. Коннор снова может ощутить вибрацию от шоссе под ними, и никому нет дела до того, существует ли он. В конце концов, Коннор – всего лишь очередной мальчишка, которому осталась неделя до разборки.

Слова, которыми старается утешить его Ариана, больше не помогают. Коннор еле может их расслышать из-за шума машин. Место, где они укрылись от мира – одно из тех, что заставляет взрослых укоризненно качать головами, втайне надеясь, что их дети не настолько глупы, чтобы сидеть на балке над автострадой. Для Коннора это не глупость и не мятежность – это попытка почувствовать себя живым. Сидя на балке, скрывшись от всех за дорожным знаком, он чувствует себя комфортно. Конечно, один неверный шаг – и он погибнет. Но опасность для Коннора – что дом родной.

Он впервые привел сюда девочку, хотя Ариане об этом не сказал. Закрыв глаза, он чувствует вибрацию трафика, пульсирующую в его венах, словно она – часть него самого. Здесь он всегда прятался от скандалов с родителями, или тогда, когда чувствовал, что вот-вот взорвется. Но теперь все ссоры с мамой и папой и напряжение чувств позади. Больше не из-за чего ссориться. Родители подписали договор, значит, дело сделано.

– Надо бежать, – говорит Ариана. – Меня тоже все достало. Школа, семья, все. Я бы с удовольствием ушла в самоволку и даже ни разу не оглянулась бы.

Коннору уцепляется за эту мысль. Идея о том, чтобы податься в бега, волнует его. Он мог быть жестким, мог выглядеть в школе «плохим парнем» и быть крутым, но бежать в одиночку? Коннор не уверен, что у него хватит смелости. Но если с ним пойдет Ариана, тогда другое дело.

– Ты серьезно? – спрашивает он.

Ариана снова пристально смотрит на него своими волшебными глазами.

– Серьезно. Вполне. Я могу сбежать. Если ты меня с собой позовешь.

Коннору отлично известно, что это значит. Убежать вместе с тем, кого отправляют на разборку, – преступление. Поэтому решимость Арианы трогает его сильнее любых признаний. Они целуются, и, невзирая на то, что ему предстоит, Коннор вдруг чувствует себя счастливейшим человеком на земле. Он обнимает Ариану, – может, слишком крепко, потому что она тихонечко стонет. От этого Коннору хочется прижать ее к себе еще крепче, но он перебарывает это желание и отпускает девушку. Ариана улыбается в ответ.

– Самоволка... – произносит она. – А что это значит, кстати?

– Старый военный термин, – отвечает Коннор. – Когда солдат ушел без разрешения.

Ариана обдумывает это и усмехается.

– Ха. Значит, в нашем случае – «счастлив не сидеть на уроках».

Коннор берет ее за руку, стараясь не сжимать ее слишком крепко. Она сказала, что пойдет с ним, если он позовет. Неожиданно ему приходит в голову, что он ее так и не позвал.

– Ты пойдешь со мной, Ариана?

– Конечно, – улыбается и кивает девушка. – Да, пойду.

* * *

Родители Арианы не любят Коннора.

«Мы всегда знали, что его отправят на разборку». Только это он от них и слышал. «Держись подальше от этого мальчишки Лэсситеров». Они никогда не называли его по имени. Всегда «этот мальчишка Лэсситеров». Они считают, что раз он однажды ненадолго попал в коррекционную школу, это дает им право осуждать его.

Провожая Ариану, Коннор останавливается неподалеку от входа и прячется за дерево, чтобы посмотреть, как она входит в дверь. По дороге домой ему приходит в голову, что отныне им обоим придется прятаться постоянно.

* * *

Дом.

Коннор удивляется тому, что продолжает называть это место домом, хотя его собираются отсюда выселить. Выселить не только из его комнаты, но и из сердец тех людей, которые должны были любить его.

Мальчик входит в дом и обнаруживает в гостиной отца. Он сидит в кресле и смотрит новости.

– Привет, пап.

Отец показывает пальцем в телевизор: на экране репортаж с места какой-то очередной трагедии.

– Опять Клэпперы, черт бы их побрал.

– И что они на этот раз взорвали?

– «Олд Нэви» в северной части Акрон Молла.

– Странно, – говорит Коннор, – я всегда считал их людьми со вкусом.

– Мне это не кажется смешным.

Родители Коннора считают, что он ни о чем не догадывается. Он не должен был знать, но Коннор достиг совершенства в деле раскрытия секретов. Три недели назад, разыскивая степлер в кабинете отца, он случайно нашел авиабилеты до Багамских островов. Его родные собирались провести семейный отпуск после Дня Благодарения. Проблема в том, что бланка было три, а не четыре: для отца, матери и младшего брата. Билета с именем Коннора не было. Поначалу

мальчик решил, что он лежит в другом месте, но чем больше он думал об этом, тем больше эта версия казалась ему странной. Пока родителей не было дома, он обнаружил другой документ. Подписанное разрешение на разборку. Составленное в трех экземплярах под копирку – в старомодном стиле. Первого листа уже не было – он отправился в государственный архив. Второй лист будет сопровождать Коннора до самого конца, а третья копия останется у родителей – как напоминание. Может, они поместят документ в рамку и повесят рядом с фотографией, сделанной в первом классе.

Дата разборки приходилась за день поездки семьи Коннора на Багамы. От такой несправедливости ему захотелось что-нибудь разбить, расколотить множество вещей. Но Коннор сдержался. В последнее время он научился управлять собой – если не считать драк в школе, в которых он не был виноват, то можно сказать, что он умел скрывать свои эмоции. Он никому не рассказал о том, что узнал. Всем известно, что разрешение на разборку отменить нельзя, так что в истерике и протестах толку не было.

Кроме того, Коннор обнаружил, что знание родительского секрета дает ему некоторую власть над отцом и матерью. Теперь, все его действия были намного эффективнее. Например, когда он купил матери цветы, она проплакала несколько часов подряд. Или когда он получил за контрольную по математике четыре с плюсом – лучшую оценку, которую ему когда-либо приходилось получать по этому предмету. Он подал тетрадь отцу, и тот побледнел, как смерть.

– Видишь, пап, у меня появились хорошие оценки, – сказал Коннор. – Может, к концу полугодия я смогу дотянуть до пятерки.

Спустя час отец все еще сидел в кресле, сжимая в руках тетрадь, и смотрел пустым взглядом в стену.

Коннор мучает родителей по одной простой причине: они должны страдать. Пусть знают, что ужасная ошибка, которую они совершили, не даст им покоя всю жизнь.

Но в его мести не было ничего хорошего, и, промучив родителей три недели крику, Коннор не испытал облегчения. Он обнаружил, что ему жаль родителей, и возненавидел себя за эту жалость.

– Я опоздал к обеду?

– Мать оставила для тебя тарелку, – отвечает отец, не отрываясь от экрана. Он направляется в кухню, но на полпути отец окликает его: – Коннор?

Он оборачивается и видит, что отец выключил телевизор и смотрит на него. И не просто смотрит, а внимательно изучает. Сейчас скажет, думает Коннор. Собирается рассказать, что они решили отдать меня на разборку. Скажет и разрыдается, будет без конца повторять, что ему очень, очень жаль. Если он расплчется, Коннор, пожалуй, примет извинения, и даже простит их и скажет, что не собирается ждать тут офицера по работе с несовершеннолетними. Но вместо этого отец спрашивает:

– Ты закрыл входную дверь?

– Сейчас закрою.

Коннор возвращается в прихожую, запирает дверь на замок и отправляется в свою комнату, понимая, что уже не голоден, какой бы вкусный обед ни оставила мать.

* * *

В два часа ночи Коннор одевается в черное и укладывает в рюкзак вещи, которые ему дороги. Закончив, он обнаруживает, что в рюкзаке поместится еще три комплекта одежды. Его удивляет то, как мало вещей ему хочется взять с собой. В основном, это то, что будет служить напоминанием о тех хороших днях. До того, как между ним и его родителями, между ним и всем миром пролегла пропасть.

Заглянув в комнату младшего брата, Коннор раздумывает, не разбудить ли его, чтобы попрощаться, но потом решает, что это не слишком удачная мысль. Он бесшумно выскальзывает на улицу. Велосипед взять не получится, потому что он установил на него систему спутникового слежения, естественно не думая о том, что однажды придется красть его самому. Впрочем, у Арианы есть два велосипеда.

Дом Арианы в двадцати минутах ходьбы, если идти обычным путем. Улицы в спальнях районах Огайо никогда не были прямыми. Поэтому Коннор решил пройти напрямую через лес и оказался на месте уже через десять минут.

Свет в доме не горит, но мальчик другого и не ждал. Было бы подозрительно, если бы Ариана бодрствовала всю ночь. Лучше прикинуться спящей, тогда родители беспокоиться не будут. Двор перед домом и крыльцо оборудованы датчиками движения, и, если какой-то объект попадает в зону их действия, зажигается свет. Родители Арианы установили их, чтобы отпугивать диких животных и преступников. А заодно и Коннора – ведь они считают, что он одновременно и то, и другое.

Мальчик достает телефон и набирает знакомый номер. Стоя в темноте на краю заднего двора, он слышит, как в ее спальне раздается звонок. Коннор немедленно обрывает вызов и, пригнувшись, прячется поглубже в тень, опасаясь, как бы родители не увидели его в окно. Да о чем же она думала? Нужно было переключить телефон в режим вибрации, таков был уговор.

Коннор обходит двор по широкой дуге, стараясь не пересекать воображаемую черту, за которой могут сработать датчики. Оказавшись почти напротив крыльца, он подходит ближе. Свет, естественно, зажигается, но на эту сторону дома, мальчик знает, выходят только окна спальни Арианы. Через несколько секунд она спускается и приоткрывает дверь – ровно настолько, чтобы видеть его, но недостаточно для того, чтобы выйти или войти.

– Привет, ты готова? – спрашивает Коннор, видя, конечно, что о готовности нет и речи: Ариана в халате, надетом поверх атласной пижамы. – Ты не забыла, надеюсь?

– Нет, не забыла...

– Тогда поторопись! Чем раньше мы выйдем, тем больше времени в запасе, пока они поймут, что нас нет.

– Коннор, – говорит Ариана, – понимаешь, такое дело...

И правда открывается для него сразу же: по тому, как трудно ей произнести его имя, по незаметному «прости», которое раздается в воздухе, словно эхо. Ей и не нужно ничего говорить, потому что он все знает, но Коннор все равно позволяет ей выговорить эти слова. Он видит, как ей трудно говорить, но он хочет, чтобы так оно и было. Он хочет, чтобы это было самым трудным, что она делала в своей жизни.

– Коннор, я правда хочу пойти с тобой, честно... но время такое неподходящее. Сестра выходит замуж и хочет, чтобы я была свидетельницей на свадьбе. Потом школа еще...

– Ты же ненавидишь школу. Сама сказала, что бросишь, как только исполнится шестнадцать.

– Нет, ну после экзаменов же. Это совсем другое.

– Значит, не пойдешь?

– Я очень хочу. Ты даже не представляешь, как... но не могу.

– Значит, все, о чем мы говорили, было ложью.

– Нет, – говорит Ариана. – Это была мечта. Но вмешалась реальность. Кроме того, побег ничего не решит.

– Для меня побег – единственный способ спасти свою жизнь, – шипит Коннор. – Меня собираются отдать на разборку, на случай, если ты забыла.

Ариана нежно гладит его по лицу.

– Я помню, – говорит она, – но меня же не отдадут.

На верхней площадке вспыхивает свет, и Ариана рефлекторно прикрывает дверь.

– Ари? – зовет девушку мать. – Что случилось? Что ты делаешь у двери?

Коннор отскакивает в сторону, чтобы его не заметили. Ариана оборачивается и смотрит вверх:

– Да ничего, мам. Под окнами койот ходит. Решила проверить, где кошки.

– Кошки все наверху, солнышко. Закрывай дверь и ложись спать.

– Значит, я койот, – говорит Коннор.

– Тсс, – предостерегающе шипит Ариана, закрывая дверь практически полностью.

Сквозь оставшуюся узкую щель видно лишь часть лица и один фиолетовый глаз.

– Ты справишься, я знаю. Позвони, когда будешь в безопасности, пожалуйста, – говорит

Ариана и закрывает дверь.

Коннор еще долго стоит на крыльце, дожидаясь, пока выключится свет. Он не думал, что придется бежать одному, но, возможно, он просто был слишком наивен. Мальчик оказался в одиночестве в тот момент, когда родители подписали документы.

* * *

На поезде он уехать не может и автобусом воспользоваться – тоже. Денег у него достаточно, но ночью ни поезда, ни автобусы не ходят, а утром его уже хватятся, и находиться в транспорте будет небезопасно. Там его станут искать в первую очередь – это очевидно. Дети, обреченные на разборку, убегают так часто, что для их поимки созданы специальные отряды, состоящие из инспекторов по работе с несовершеннолетними. Отлов беглецов стал своего рода искусством. Можно исчезнуть, раствориться в большом городе. Там так много людей, что встретить одного и того же человека дважды невозможно. Можно спрятаться за городом. Там людей немного, и живут они далеко друг от друга. Если устроить жилище в заброшенном амбаре, никому и в голову не придет там искать. Хотя Коннор полагает, что в полиции обо всем уже подумали и амбары превратили в ловушки. Впрочем, может, у него паранойя. Нет, думает Коннор ситуация требует осторожных и взвешенных решений – и не только сегодня, а в течение последующих двух лет. Как только ему исполнится восемнадцать, можно спокойно возвращаться домой. Естественно, по возвращении его тут же отправят под суд и посадят в тюрьму – но на разборку отдать уже не смогут. Выжить – вот его главная задача.

Возле федеральной трассы есть стоянка для дальнобойщиков. Туда он и идет. В кузове фуры, как ему кажется, спрятаться нетрудно. Но оказалось, что водители держат двери машины закрытыми. Он молча ругает себя за то, что не подумал об этом заранее. К сожалению, перспективное мышление никогда не было его сильной стороной. Если бы он умел думать на пару шагов вперед, многих неприятных ситуаций, которых за последние несколько лет было предостаточно, удалось бы избежать. Все как будто шло по нарастающей: он попадал в ситуации, которые сначала можно было бы классифицировать как «трудные», потом как «рискованные» – и вот теперь его хотят разобрать на органы.

Возле ярко освещенной закусочной припаркованы около двадцати грузовиков. Внутри полтора десятка водителей, ужинают. Время – половина четвертого утра; вероятно, у водителей биологические часы настроены по-своему Коннор ждет и наблюдает. Минут через пятнадцать на стоянке появляется полицейская машина. Вползает на малой скорости с выключенной мигалкой и начинает медленно, как акула, кружить по стоянке. Мальчик думает спрятаться, но в этот момент появляется вторая машина. Стоянка слишком хорошо освещена, чтобы можно было надежно укрыться. Луна светит чересчур ярко, не убежишь. Одна из машин направляется в дальний конец стоянки. Через секунду свет фар выхватит его из темноты. Коннор забивается под колеса грузовика и молится, чтобы полицейские его не заметили.

Машина медленно проезжает мимо. Вторая в это время так же беззвучно проплывает по другую сторону прицепа, под которым спрятался Коннор. Может, это просто рутинная про-

верка, думает он. Может, они не меня ищут. Чем больше он думает об этом, тем более вероятной ему представляется эта версия. Им не может быть известно, что он сбежал. Отец спит, как убитый, а мать давно уже не заходит в его комнату ночью.

Но полицейские не уезжают.

Коннор замечает, что дверь одного из грузовиков открыта. Не водительская дверь – отдельная маленькая дверца, через которую можно проникнуть в отделение за кабиной, где находится походная кровать. Из него выбирается водитель, потягивается и направляется к туалетам, оставив дверь открытой.

Коннор молниеносно принимает решение и бросается к грузовику. Из-под ног летит гравий, но мальчик продолжает бежать что есть сил. Он не знает, где полицейские машины, но это уже не важно. Решение принято, и сейчас время действовать вне зависимости от результата. Подбегая к двери, он краем глаза видит луч света: одна из полицейских машин вот-вот повернет в его сторону. Он пулей заскакивает в кабину и закрывает за собой дверь.

Сидя на койке, которая оказывается не больше детской кровати, Коннор пытается отдышаться. Что делать дальше? Скоро вернется водитель. Если повезет, у него в запасе минут пять, в худшем случае – не более минуты. Он заглядывает под койку. Там достаточно места, чтобы спрятаться, но оно занято двумя мешками с одеждой. Можно вытащить их, забраться под койку, прижаться к стене и втащить мешки обратно. Тогда водитель не будет знать, что он здесь. Но прежде чем Коннор успевает вытащить первый рюкзак, дверь распаивается. Он даже не успевает среагировать – водитель хватается за куртку и подтягивает ближе к выходу, чтобы рассмотреть.

– Ух ты! А ты кто такой? Какого черта ты забрался в мой грузовик?

Мимо беззвучно проплывает полицейская машина.

– Прошу вас, – шепчет Коннор, чувствуя, что его голос стал тонким, как раньше, когда он еще не успел сломаться, – пожалуйста, не говорите никому. Мне нужно убраться отсюда как можно скорее.

Он поспешно засовывает руку в рюкзак, висящий за спиной, достает бумажник и вытаскивает из него стопку банкнот.

– Вам нужны деньги? У меня есть. Я отдам все, что есть.

– Мне не нужны твои деньги, – отвечает водитель.

– Что же вам нужно?

Даже в темной кабине водитель наверняка заметил панику на лице мальчика. Но он ничего не говорит, продолжает молчать.

– Пожалуйста, – снова умоляет Коннор. – Я сделаю все, что вы захотите...

Водитель продолжает молча смотреть на мальчика в течение еще нескольких томительных секунд.

– Сделаешь, что я захочу? – наконец переспрашивает он, забирается в кабинку и закрывает за собой дверь.

Коннор закрывает глаза, боясь даже представить, на что он только что подписался.

– Как тебя зовут? – спрашивает водитель, присаживаясь на койку.

– Коннор, – отвечает мальчик раньше, чем успевает сообразить, что нужно было назвать другое имя. Водитель почесывает подбородок, покрытый щетиной, и о чем-то думает.

– Давай-ка я тебе кое-что покажу, Коннор, – говорит он наконец. Протянув руку, он неожиданно для мальчика достает из небольшого мешочка, висящего над койкой, колоду карт.

– Ты когда-нибудь видел такое? – спрашивает он, ловко перетасовав карты одной рукой. – Здорово, правда?

Коннор, не зная, что сказать, одобрительно кивает.

– А как насчет этого? – снова спрашивает водитель. Он берет в руку карту и, помахав ею, заставляет ее раствориться в воздухе. Водитель тянется к карману рубашки Коннора и достает исчезнувшую карту. Мальчик издает короткий нервный смешок.

– Такие вот фокусы, – говорит водитель. – Но делаю их не я.

– В каком смысле? – удивляется Коннор.

Водитель, закатав рукав, обнажает правую руку, которой только что показывал фокусы, и мальчик видит широкий шрам – рука была пересажена в районе локтя.

– Десять лет назад я уснул за рулем, – говорит водитель, – и попал в серьезную аварию. Потерял руку, почку, еще кое-что. Органы пересадили, и я выжил.

Водитель смотрит на руки, и Коннор замечает, что правая, которой он показывал фокусы, отличается от левой. На левой пальцы толще и кожа более смуглая.

– Значит, – говорит мальчик, – вам на сдачу выпала новая рука.

Водитель смеется, потом умолкает и снова смотрит на пересаженную руку.

– Пальцы умеют то, чему я никогда не учился. Вроде бы это называется мышечной памятью.

И не было такого дня, чтобы я не вспоминал того парня и не пытался представить, какие еще замечательные штуки он мог делать, прежде чем его разобрали... Знаешь, хорошо, что ты ко мне залез, парень, – говорит он. – Тут не все люди такие, как я. Могли бы все у тебя забрать, а потом все равно копам сдали бы.

– А вы не такой?

– Нет, не такой, – говорит водитель, протягивая для пожатия свою, левую, руку. – Джосайя Элдридж меня зовут. Я на север еду. До утра можешь остаться со мной.

Коннор чувствует такое невероятное облегчение, что в течение какого-то времени не может даже вздохнуть, не говоря уже о том, чтобы поблагодарить водителя.

– Тут койка, конечно, не самая удобная в мире, но спать можно, – говорит Джосайя. – Вот и поспи пока. Я только еще раз в сортир зайду, и поедем.

Он выбирается из кабинки и закрывает за собой дверь. Коннор прислушивается к удаляющимся шагам – водитель действительно направился в сторону туалета, как и сказал. Наконец мальчик решает, что сделал для своего спасения все, что можно. Нервное напряжение спадает, и сразу наваливается чудовищная усталость. Водитель не сказал точно, куда едет, просто назвал направление, но Коннору и этого более чем достаточно. На север, на восток, на юг, на запад – какая разница, лишь бы подальше отсюда. Мальчик решает подумать позже о том, что делать дальше. Нужно переживать неприятности по мере их поступления, думает он.

Спустя минуту Коннор чувствует, что засыпает, но моментально просыпается, услышав на улице крики полицейских: «Мы знаем, что ты здесь! Выходи с поднятыми руками, или будем стрелять!»

Силы оставляют Коннора. Похоже, Джосайя провернул другой фокус. Нужно выходить, копы ждать не будут. Вот черт. Путешествие окончилось, так и не начавшись. Коннор распахивает дверь, готовясь увидеть инспекторов по работе с несовершеннолетними с пушками в руках.

Полицейские на стоянке есть. Оружие наготове, но целятся они отнюдь не в Коннора.

Мало того, они стоят к нему спиной.

Дверь кабины грузовика, под которым несколько минут назад скрывался Коннор, распахивается, и появляется мальчик, прятаящийся за водительским сиденьем. Коннор немедленно узнает его – они ходят в одну и ту же школу. Парня зовут Энди Джеймсон. Господи, неужели и его отдали на разборку?

Энди напуган, но на его лице не только страх перед полицейскими. Он побежден, раздавлен. В этот момент Коннор осознает свою глупость: он все еще стоит как вкопанный на

пороге кабины, у всех на виду. Полицейские его не заметили, зато заметил Энди. На секунду он встретился с Коннором взглядом...

После этого произошло нечто замечательное. Выражение отчаяния и горя исчезло с лица Энди, сменившись железной решимостью и чуть ли не триумфом. Заметив Коннора, он быстро отвел глаза и успел сделать несколько шагов в сторону, уводя полицейских прочь, прежде чем они схватили его.

Энди видел его и не выдал! День не принес ему удачи, зато подарил одну маленькую победу.

Спрятавшись в тени кабины, Коннор осторожно закрыл дверь.

Снаружи, на стоянке, полицейские увозят Энди. Коннор ложится на койку и слезы подступают внезапно, как летний дождь. Он и сам не знает, по кому плачет – по себе ли, по Ариане или по Энди, – и от этого незнания становится еще больше и горше. Коннор не вытирает слезы, дает им высохнуть прямо на лице. Он так всегда делал, когда был маленьким, когда повод для слез был таким незначительным, что утром он не мог вспомнить, в чем было дело.

Водитель не заглядывает в спальное отделение. Коннор слышит, как заводится двигатель и грузовик медленно трогается. Под убаюкивающий шорох шин мальчик вскоре засыпает.

* * *

Из глубокого забытья его вырывает звонок мобильного телефона. Он вскакивает и борется со сном. Хочется лечь снова и досмотреть сон. Ему снилось какое-то очень знакомое место, где он точно не раз бывал, но вспомнить, когда он там был, Коннор не может. Во сне он с родителями в бунгало на пляже. Младший брат еще не родился. Нога Коннора провалилась сквозь прогнившую доску на крыльце дома. В щели оказалось полным-полно паутины, плотной и мягкой на ощупь, как хлопок. Коннор кричит от боли и страха – он боится, что гигантский паук съест его ногу. И все же это был хороший сон – хорошее воспоминание – потому что отец там был и вытащил его. Он внес его в хижину на руках, ему перевязали ногу, усадили у камина и дали чашку с чем-то вроде сидра. Его аромат был таким терпким, что Коннор даже сейчас помнит его, просто подумав о нем. Отец рассказал ему сказку, но ее мальчик уже забыл. Но голос отца, нежный баритон, рокочущий, как шум волн, накатывающих на берег, все еще стоит в ушах. Маленький Коннор выпил сидр, прислонился к маме и прикинулся спящим. На самом деле он не спал, а просто старался раствориться в этом мгновении и остаться в нем навечно. Во сне у него получилось. Он растворился в чашке с сидром и родители осторожно поставили ее на стол, поближе к огню, чтобы напиток никогда не остывал.

Глупая штука – сны. Даже если сон хороший, он все равно плохой, потому что по сравнению с ним реальность кажется еще более отвратительной.

Снова раздается звонок телефона, и остатки сна окончательно улетучиваются. Коннор почти что ответил на звонок. В спальном отделении так темно, что он не сразу сообразил, что он не у себя в комнате. Его спасло то, что он не смог найти телефон, и ему нужно было включить свет. Коннор тянется к тому месту, где, как ему кажется, стоит тумбочка, а на ней ночник. Рука натывается на стену кабины, и только в этот момент мальчик понимает, что он вовсе не в спальне. Телефон снова звонит, и Коннор вспоминает все разом. Наконец ему удастся найти мобильный в рюкзаке. Мальчик нащупывает его, подносит к глазам и смотрит на экран: звонит отец.

Значит, родители уже спохватились. Неужели они всерьез думают, что он ответит? Дождавшись переадресации на голосовую почту, Коннор выключает питание аппарата и смотрит на часы. Половина восьмого утра. Он протирает глаза, чтобы прогнать остатки сна, и старается понять, как далеко они успели заехать. Грузовик стоит на месте, но за остаток ночи, пока он спал, они проехали, наверное, километров триста. Неплохо для начала.

Кто-то стучит в дверь.

– Выходи, парень. Поездка окончена.

Коннор не жалуется: то, что сделал для него водитель, не сделал бы никто другой. Он не может просить о большем этого доброго человека. Он распахивает дверцу и выходит наружу, чтобы поблагодарить старика, но оказывается, у двери вовсе не он. В нескольких метрах от кабины полицейские заковывают в наручники Джосайю, а перед Коннором стоит инспектор по работе с несовершеннолетними и довольно улыбается. В паре метров от него стоит отец Коннора, сжимая в руке телефон, с которого он только что звонил.

– Все кончено, сынок, – говорит отец.

Эта фраза приводит Коннора в бешенство. «Я не твой сын! – вот что он хочет крикнуть. – Я перестал быть твоим сыном, когда ты подписал это чертово разрешение!» Но он в таком глубоком шоке, что не может и слова вымолвить.

Какая глупость – не выключить сотовый телефон, ведь именно по нему они его и выследили. Интересно, сколько ребят уже попались на эту удочку, забыв о простейшем трюке в своей слепой вере в надежность современных технологий. Ладно, что уж теперь. Но Коннор не собирается сдаваться, как Энди Джеймсон. Он быстро оценивает ситуацию. Грузовик прижат к обочине федерального шоссе двумя полицейскими машинами. В третьей машине прибыл отряд инспекторов по работе с несовершеннолетними. Мимо на скорости свыше ста километров в час пролетают автомобили; едущие в них люди безразличны к маленькой трагедии, разворачивающейся у обочины. Коннор снова принимает молниеносное решение и срывается с места, оттолкнув в сторону полицейского. Мальчик устремляется на другую сторону дороги, не обращая внимания на проносящиеся мимо автомобили. Не будут же они стрелять прямо в спину невооруженному мальчишке, думает он на бегу. Может, будут целиться в ноги, чтобы не задеть драгоценные внутренние органы? Он пересекает полосу за полосой, не глядя по сторонам, и водители пролетающих мимо автомобилей вынуждены совершать головокружительные маневры, чтобы не сбить его.

– Коннор, стой! – он слышит крик отца и выстрел.

Мальчик чувствует удар в спину – пуля попала в него, но ее, видимо, задержал рюкзак. Коннор решает не оглядываться. Добежав до разделительного ограждения, он видит, как на металлическом заборе появляется и расплывается небольшое синеватое пятно, как будто кто-то разбил ампулу с жидкостью. Полицейские стреляют пулями с транквилизирующим средством. Значит, хотят не убить его, а только сбить с ног и усыпить. Естественно, думает он, использовать на оживленном шоссе боевые патроны им вряд ли кто разрешит.

Коннор с разбега перемахивает разделительное ограждение и оказывается на пути «кадиллака». Машина летит прямо на него, и водитель при всем желании не сможет остановиться. Но он успевает заметить мальчика и выворачивает руль, чтобы объехать его. По счастливому стечению обстоятельств Коннор тоже не может остановиться – после прыжка через забор инерция продолжает тащить его вперед. «Кадиллак» проносится всего в нескольких сантиметрах от мальчика, больно ударив его по ребрам боковым зеркалом. Автомобиль с трудом останавливается, распространяя душливый запах горелой резины. На заднем сиденье кто-то есть – держась за разбитый бок, Коннор успевает заметить чьи-то испуганные глаза. Оказывается, сзади в машине сидит ребенок примерно того же возраста, что и он, одетый с ног до головы в белое. Он напуган.

Полицейские уже успели добежать до разделительного ограждения. Коннор смотрит в испуганные глаза парня, сидящего на заднем сиденье, и неожиданно понимает, что нужно делать. Просунув руку в открытое окно, он поднимает задвижку и распахивает дверь машины.

2. Риса

Стоя за кулисами, Риса ждет своей очереди выйти к роялю.

Сонату, которую ей предстоит сыграть, она может воспроизвести даже во сне. Она часто так и делает. Сколько раз она просыпалась ночью, чувствуя, как пальцы перебирают складки простыни, словно клавиши рояля. Музыка играла в голове всю ночь, и, проснувшись, Риса продолжала слышать ее. Через несколько секунд сон рассеивался, только пальцы тихонько барабанили по простыне.

Она заставила себя выучить сонату в совершенстве. Ей нужно было играть так легко, как дышать.

«Это не конкурс, Риса, – часто повторяет мистер Дюркин. – Здесь не может быть победителей или проигравших».

Но Риса так не считает.

– Риса Уорд, – объявляет конферансье, – прошу вас.

Девочка расправляет плечи, закалывает длинные каштановые волосы и поднимается на сцену. Раздаются сдержанные, вежливые аплодисменты. Часть людей искренне ее поддерживают – в зале сидят друзья и учителя, которые желают ей успеха. Но остальные аплодисменты от тех, кого нужно впечатлить. Мистер Дюркин тоже сидит в зале. Риса занимается у него уже пять лет. Ближе его у нее никого на свете нет. Да и то уже прекрасно – не каждому ребенку в Двадцать третьем Государственном Интернате штата Огайо удастся наладить с учителем такой контакт. Большая часть сирот, живущих в государственных интернатах, ненавидит своих учителей, считая их тюремщиками.

Стараясь не обращать внимания на дискомфорт, причиняемый неудобным концертным платьем, девочка садится за рояль – «Стейнвей» – черный, как ночь, и почти такой же длинный. Сконцентрироваться.

Она задерживает взгляд на рояле, заставляя лица людей медленно утонуть во тьме. Публика ничего не значит. На свете нет ничего, кроме нее, этого великолепного рояля и прекрасных звуков, которые она вот-вот из него извлечет.

Риса поднимает руки, и пальцы на мгновение застывают над клавиатурой, а потом девочка начинает играть. Пальцы порхают над клавишами, музыка струится из-под них, бегло, непринужденно. Прекрасный рояль поет... но вдруг левый безымянный палец соскальзывает с клавиши ре-бемоль, и вместо нужной ноты Риса берет простое *ре*.

Ошибка.

Она проскочила так быстро, что публика, возможно, ничего и не заметила, но Риса прекрасно все поняла. Фальшивая нота звучит в уме, как заунывный звук волынки, постепенно усиливаясь до крещендо, отвлекая девочку от игры. Риса теряет концентрацию и снова ошибается, а через две минуты берет неверный аккорд. Глаза наполняются слезами, и она перестает что-либо видеть.

«Оно мне и не нужно, – повторяет про себя Риса. – Важно чувствовать музыку. Еще не поздно выйти из этого пике, ведь нет?» Ее ошибки кажутся ужасными, хотя неискушенный слушатель вряд ли заметил бы их.

«Да не беспокойся ты, – сказал бы мистер Дюркин, – никто же тебя не осуждает». Да, может, он сам в это верит, но и то лишь потому, что может себе это позволить. Ему уже не пятнадцать, и он никогда не был сиротой, живущим за счет штата.

* * *

Пять ошибок.

Не грубые, едва заметные, но все же ошибки. Может, все и было бы хорошо, если бы на одной сцене с Рисой не выступали настоящие знаменитости – но другие участники играли безупречно.

Мистер Дюркин счастливо улыбается, приветствуя Рису на выходе из зала.

– Ты была великолепна! – говорит он. – Я горжусь тобой.

– Я играла отвратительно.

– Чепуха. Ты выбрала одно из самых сложных произведений Шопена. Даже профессионалы не могут сыграть его без ошибок. Ты сыграла достойно!

– Мне мало играть достойно.

Мистер Дюркин вздыхает, но возразить ему нечего.

– Ты играешь все лучше и лучше. Я уверен, недалек тот день, когда эти руки будут играть в Карнеги-холле.

Он искренне, довольно улыбается. Девочки в общей спальне поздравляют Рису так же, как и мистер Дюркин, – им незачем врать ей. Этого достаточно, чтобы в душе девочки возродилась надежда, и Риса спокойно засыпает, когда наступает время отбоя. Ладно, думает она, я готова допустить, что, быть может, придаю всему этому слишком много значения. Как знать, может, и не стоит быть такой жестокой по отношению к себе. Риса засыпает, думая о том, какое произведение выбрать к следующему конкурсу.

* * *

Через неделю ее вызывают в кабинет директора.

Там девочку ожидают три человека. Настоящий трибунал, думает она. Трое взрослых сидят в ряд, что придает им еще больше сходства с тремя мудрыми обезьянами: ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не говорю.

– Присаживайся, Риса, – говорит директор, указывая на стул.

Она пытается двигаться грациозно, но мешают дрожащие колени. В результате девочка неловко плюхается на стул, думая о том, что он слишком мягкий для зала, в котором заседает инквизиция.

Из всех троих Риса знает только директора. Ясно только, что двое других – официальные лица. Они ведут себя спокойно, словно подобные заседания для них дело привычное.

Женщина, сидящая слева от директора, представляется социальным работником. Оказывается, «дело» Рисы находится под ее контролем. До этого момента девочка и не подозревала, что у нее есть какое-то «дело». Женщина называет имя, но Риса его не запоминает – миссис Как-то-там. Позже она будет стараться вспомнить его, но безуспешно. Женщина перелистывает папку, в которой хранится вся недолгая пятнадцатилетняя жизнь Рисы, небрежно, как будто читает газету.

– Так-так, – произносит она. – Ты находишься на попечении штата с младенчества. Поведение самое похвальное. Оценки хорошие, но могли бы быть и лучше.

Женщина поднимает голову и улыбается Рисе.

– Я видела, как ты играла на конкурсе. Очень хорошо.

«Хорошо», – думает Риса. Но не превосходно.

Миссис Как-то-там снова принимается листать папку, но Риса видит, что на самом деле она не читает. Какое бы решение ни собиралась вынести эта тройца, они давно уже обо всем договорились, задолго до того, как Риса вошла в кабинет директора.

– Зачем вы меня вызвали? – спрашивает Риса.

Миссис Как-то-там закрывает папку и смотрит на директора и сидящего рядом с ним мужчину в дорогом костюме.

Костюм кивает, и социальная работница поворачивается к Рисе, радушно улыбаясь.

– Мы считаем, что ты исчерпала свой потенциал в данном заведении, – говорит она. – Ваш директор, мистер Томас, и мистер Полсон согласны со мной.

Риса бросает взгляд на человека в костюме.

– А кто такой мистер Полсон?

Костюм прочищает горло, прежде чем заговорить.

– Я школьный юрист, – произносит он наконец извиняющимся тоном.

– Юрист? А зачем здесь юрист?

– Таков регламент, – объясняет директор Томас. Видимо, галстук внезапно показался ему похожим на удавку, потому что он в срочном порядке ослабляет его, засунув палец за воротник. – В уставе школы записано, что юрист обязательно должен присутствовать при подобного рода процедурах.

– О каких процедурах вы говорите?

Троица переглядывается, но никто, похоже, не готов взять на себя обязанности спикера. В конце концов миссис Как-то-там решает заговорить:

– Тебе должно быть известно, что места в государственных интернатах сейчас на вес золота. Бюджет постоянно урезают, и это касается, к сожалению, всех учреждений подобного рода – наше не исключение.

Риса, не отрываясь, смотрит в спокойные, холодные глаза миссис Как-то-там.

– Сиротам, находящимся на попечении государства, места в интернатах гарантированы законом, – говорит девочка.

– Совершенно верно, но гарантия распространяется на детей, не достигших тринадцатилетия.

Неожиданно оказывается, что всем есть что сказать.

– Денег хватает только на малолетних, – говорит директор.

– Необходимо вносить поправки в школьную программу, – заявляет юрист.

– Мы хотим только добра тебе и всем остальным детям, содержащимся в стенах этого учреждения, – перебивает их миссис Как-то-там.

Обрывки фраз летают по комнате, словно мячики, отброшенные умелой рукой теннисиста. Риса ничего не говорит, просто слушает.

– Ты отлично играешь на рояле, но...

– Как я уже сказала, ты достигла предела своего потенциала...

– По крайней мере, в данном заведении...

– Если бы ты выбрала менее престижную учебную программу...

– Нет, ну, это еще вилами по воде писано...

– У нас связаны руки...

– Нежеланные дети рождаются каждый день – и не всех успевают подбросить...

– Наш долг – позаботиться о тех, кому не повезло...

– Необходимо найти место для каждого сироты...

– Значит, каким-то образом необходимо уменьшить количество подростков, содержащихся в интернатах, на целых пять процентов...

– Ты же сама понимаешь, не правда ли?..

Риса больше не может все это слушать. Она наконец подает голос, и все трое тут же замолкают, потому что она произносит то, что ни один из них не осмелился озвучить.

– Значит, меня отдадут на разборку?

Тишина. Молчание – знак согласия, оно красноречивее любых слов.

Социальная работница хочет взять Рису за руку, но девочка отстраняется.

– Я понимаю, тебе страшно. Перемены всегда пугают.

– Перемены?! – кричит Риса. – Вы называете это переменами? Смерть чем-то отличается от перемен, как вы считаете?

Директору, видимо, снова становится душно, и он опять ослабляет узел галстука, не желая, очевидно, получить преждевременный удар. Юрист открывает портфель.

– Пожалуйста, мисс Уорд. Это не смерть, и я уверен, всем было бы намного легче, если бы вы перестали говорить столь некорректные вещи. Дело в том, что вы останетесь на сто процентов живой, но в разделенном состоянии.

Он достает из портфеля буклет в яркой обложке.

– В этой брошюре содержится информация о заготовительном лагере «Твин Лэйкс».

– Это прекрасное место, – говорит директор. – Мы направляем туда всех детей, готовящихся пройти процедуру разделения. Даже моего собственного племянника там разобрали.

– Рада за него.

– Я все же настаиваю на том, что вас ждут именно перемены, – говорит социальная работница, – не более того. Так, вода, изменяясь, превращается в облака и выпадает на землю дождем, а дождь, замерзая, превращается в снег. Ты будешь жить, Риса. Просто в иной форме.

Но Риса их больше не слушает. Ее захлестнула волна паники.

– Я могу отказаться от музыкальной карьеры, – говорит она. – Я могла бы заняться чем-нибудь еще.

– К сожалению, слишком поздно, – говорит директор Томас, горестно кивая.

– Нет, не поздно. Я привыкла работать над собой. Я могла бы пойти в армию. Там всегда нужны солдаты.

Костюм раздосадовано вздыхает и смотрит на часы. Социальная работница наклоняется к девочке.

– Риса, прошу тебя, – говорит она. – Чтобы стать солдатом, нужно иметь определенное телосложение и долгие годы тренироваться, чтобы добиться необходимой физической формы.

– Разве у меня нет права выбора? – кричит Риса. Оглянувшись, она понимает, что вопрос риторический: за спиной уже стоят двое охранников, выбора нет. Когда они уводят ее, Риса вспоминает мистера Дюркина. Мысль о том, что его мечта, вполне возможно, осуществится, заставляет девочку горько рассмеяться. «Недалек тот день, когда эти руки будут играть в Карнеги-холле». К сожалению, без Рисы.

* * *

Зайти в спальню ей не дают. Брать с собой ничего не нужно, потому что вещи ей не понадобятся. Так всегда говорят тем, кому «посчастливилось» стать кандидатом на разборку. Только несколько самых преданных подруг тайком пробираются в школьный приемник-распределитель, и Рисе удается наспех обнять их и поплакать вместе в последний раз, да и то приходится постоянно смотреть по сторонам, как бы не поймали.

Мистер Дюркин не приходит прощаться, и это задевает Рису больше всего.

На ночь ее отводят в школьный туристический центр, в одну из спален для гостей, а утром, на рассвете, усаживают в огромный автобус, битком набитый детьми, которых переводят из центрального интерната в школы поменьше. Кое-кого из ребят она видела, но ни с кем лично не знакома.

По другую сторону от прохода сидит очень красивый мальчик – судя по всему, его везут на службу в армию.

– Привет, – говорит он, залихватски улыбаясь, как настоящий солдат.

– Привет, – отвечает Риса.

– Меня переводят в морскую академию штата, – говорит мальчик. – А тебя?

– О, меня? – переспрашивает Риса, силясь на ходу придумать что-нибудь впечатляющее. – В Академию мисс Марпл для одаренных детей.

– Врет она, – вмешивается костлявый бледный мальчишка, сидящий рядом с Рисой. – На разборку ее везут.

Бравый морячок отшатывается, словно разборка – какой-то особый вид заразы.

– О, – говорит он, – ну и дела. Плохо, конечно. Ладно, увидимся! – добавляет он, пересаживаясь в конец автобуса, где собралась тесная компания будущих солдат.

– Спасибо, – говорит Риса тощему мальчишке.

– Да ладно тебе, какая разница, – пожимает плечами он. – Давай знакомиться. Меня зовут Самсон. Я еду туда же, куда и ты.

Глядя на протянутую для рукопожатия полупрозрачную конечность, Риса едва сдерживает смех. Надо же, Самсон. Такое сильное имя для такого дохляка. Пожать руку она отказывается, чувствуя себя обиженной тем, что мальчик раскрыл ее маленький блеф перед симпатичным морячком.

– Так что же ты сделал, чтобы попасть на разборку? – спрашивает Риса.

– Лучше спроси, чего я не делал.

– И чего же ты не делал?

– Ничего, – отвечает Самсон.

Рисе ясно, что он хочет сказать. Не делая ничего, попасть в заготовительный лагерь проще простого.

– В любом случае, я никогда не стремился достичь чего-то великого, но теперь, если взглянуть на статистику, у одной части меня есть шанс достичь величия где-нибудь в мире. Я бы предпочел быть хотя бы немного полезным, чем бесполезным целиком, – говорит Самсон.

В этой чудовищной тираде есть логика, и это бесит Рису еще больше.

– Надеюсь, тебе понравится в заготовительном лагере, Самсон, – говорит Риса и встает, чтобы найти себе другое место.

– Прошу всех сесть! – кричит сидящая в передней части салона надзирательница, но все бесполезно. Никто ее не слушает. В автобусе полным-полно детей, и все прыгают с места на место в поисках единомышленников или, наоборот, стараясь избежать излишнего внимания. В конце концов Рисе удается найти местечко у окна; вдобавок рядом еще и никого нет.

Поездка в автобусе – лишь первый этап длительного путешествия. Рисе и всем остальным объяснили, что сначала их отвезут в центральный приемник-распределитель, где встретятся десятки воспитанников из интернатов разных штатов. Там детей рассортируют, затем рассадят по автобусам и отправят кого куда.

Значит, в следующий раз придется ехать в автобусе, полном Самсонов, думает Риса. Замечательная перспектива. Ей уже приходило в голову, что можно попытаться незаметно прошмыгнуть в другой автобус, но, к сожалению, нанесенный на их браслеты штрихкод мешает это сделать. Все прекрасно организовано, и ошибок быть не может. Но Риса продолжает обдумывать различные сценарии побега, и в этот момент замечает, что за окном происходит какая-то суматоха.

Действо разыгрывается чуть дальше по шоссе. На другой стороне дороги стоят полицейские машины, а на полосе, по которой движется автобус, вот-вот окажутся два мальчика. Они бегут прямо через дорогу, не обращая ни малейшего внимания на пролетающие мимо автомобили. Один мальчик держит другого в борцовском захвате и чуть ли не тащит его на себе. Продолжив двигаться по той же траектории, они вскоре окажутся прямо перед лобовым стеклом автобуса, в котором едет Риса.

Водитель резко сворачивает вправо, чтобы избежать столкновения, и Риса ударяется головой об стекло. Автобус наполняется криками и стонами. В этот момент автобус резко останавливается. Риса вместе с другими ребятами соскальзывает с кресла и катится вперед по проходу. Она ударяется бедром, но, кажется, ничего страшного. Будет синяк, и все. Девочка вскакивает на ноги, стараясь оценить ситуацию. Автобус накренился.

Он съехал с шоссе и попал передними колесами в канаву. Лобовое стекло разбито и испачкано кровью. На нем много крови.

Ребята понемногу начинают подниматься и ощупывать себя. Никто особенно не пострадал: синяки и шишки, как у Рисы, не в счет. Но кое-кто уверен, что автобус попал в ужасную аварию. Надзирательница как раз старается успокоить девочку, бьющуюся в истерике.

Среди всего этого хаоса Риса вдруг чувствует себя решительной, как никогда.

Ситуация вышла из-под контроля.

Распорядок жизни детей, живущих в государственных интернатах, расписан до мелочей. В системе предусмотрены инструкции, которыми следует руководствоваться при самых разных обстоятельствах, но конкретного плана действий на случай аварии не существует. В течение ближайших нескольких секунд за ними никто не будет следить.

Внимательно глядя на переднюю дверь, Риса делает глубокий вдох и бросается вперед.

3. Лев

Вечеринка огромная, дорогая, и ее планировали несколько лет. Не менее двухсот человек должно собраться в самом большом банкетном зале кантри клуба. У Льва много дел: он должен оценить оркестр, который будет играть на празднике, позаботиться о меню и сделать еще множество других вещей – к примеру, выбрать, какого цвета скатерти будут на столах. Лев решил, что они будут красно-белыми, в честь любимой бейсбольной команды «Цинциннати Редс», а на салфетках должно быть напечатано его имя – Леви Джедедайя Колдер, – чтобы гости могли унести их домой на память.

Вечер посвящен ему и только ему. И Лев собирается как следует повеселиться.

Придет много взрослых: родственники, друзья семьи, партнеры родителей по бизнесу, но по меньшей мере восемьдесят друзей Льва тоже получили приглашение. Среди них товарищи по школе, ребята, с которыми он вместе ходит в церковь, и спортсмены из разных команд, членом которых Лев был в разное время. Конечно, не все сразу согласились прийти. Некоторым приглашение показалось забавным.

– Ну, не знаю, Лев, – говорили они, – какой подарок я, по-твоему, должен принести?

– Ничего приносить не нужно. На праздник жертвоприношения не принято дарить подарки. Гости собираются, чтобы вместе повеселиться. Будет здорово, я уверен.

Вечер проходит прекрасно.

Лев приглашает каждую девушку на танец, и ни одна из них не отказывает ему. Он просит ребят поднять его в воздух вместе с креслом и танцевать, держа на вытянутых руках. Лев видел однажды этот трюк на праздновании бармицвы¹ своего еврейского друга, и эта идея ему очень понравилась. У него не бармицва, но ему тоже исполнилось тринадцать, и обычай пришелся мальчику по душе, так неужели он не заслужил один раз прокатиться в кресле по воздуху?

Когда гостей зовут к столу, Льву кажется, что еще слишком рано. Он смотрит на часы и обнаруживает, что два часа праздника уже прошли. И как это могло произойти так быстро?

Люди по очереди поднимаются, передают из рук в руки микрофон, поднимают бокалы с шампанским и произносят тосты в честь Льва. Родители поздравляют его. Бабушка произносит проникновенную речь. Дядя, которого Лев даже не знает, говорит теплые слова:

– Дорогой Лев, я с огромным удовольствием наблюдал за тем, как ты растешь и превращаешься из ребенка в прекрасного юношу. Я всем сердцем чувствую, что все, с кем тебе довелось встретиться в этом мире, испытывают к тебе лишь самые лучшие чувства.

Удивительно и странно, как много людей, оказывается, хотят сказать ему что-то хорошее. Гости не скупятся на добрые слова, но мальчику все равно кажется, что говорят недостаточно. Ему хочется, чтобы всего было еще больше. Больше угощений. Больше танцев. Больше времени.

Но вот уже выносят праздничный торт со свечами. Все знают, что он символизирует окончание праздника. Так зачем же его выносят? Неужели уже прошло три часа? И настает время последнего тоста, который почти что рушит весь праздник.

Многочисленные братья и сестры Льва весь вечер веселились, и только Маркус был тих и печален. Это на него не похоже. Лев знал, что это не к добру. Лев, которому сегодня исполнилось тринадцать, младший из десяти детей в семье. Маркусу двадцать восемь, и он старший. Он пролетел на самолете полстраны, чтобы присутствовать на дне рождения младшего брата. И весь вечер он не танцевал, почти ничего не говорил и не проявлял ни малейшего интереса к веселью. Зато он напился. Лев никогда не видел брата пьяным.

¹ *Бармицва* – в иудейской традиции праздник совершеннолетия для мальчиков, достигших тринадцати лет.

Официальная часть вечера закончилась, и все формальные тосты уже произнесены. Торт аккуратно разрезают, чтобы всем досталось по куску. Маркус хочет что-то сказать. Он начинает речь совсем неформально, как обычный разговор между братьями.

– Поздравляю, братишка, – говорит Маркус, крепко обнимая Льва. От Маркуса сильно пахнет алкоголем. – Сегодня ты стал мужчиной. Как-то так, – заканчивает он.

Отец, сидящий во главе стола в паре метров от них, нервно смеется.

– Что ж, спасибо, – бросая взгляд на родителей, отвечает Лев. – Как-то так.

Отец пристально смотрит на Маркуса, ожидая продолжения. Мать очень напряжена, Льву даже становится жаль ее. Маркус пристально смотрит на Льва и улыбается, но его улыбка на улыбку совсем не похожа.

– И что ты обо всем этом думаешь? – спрашивает он.

– Да здорово все.

– Нет, ну кто бы спорил! Столько людей пришло, и все к тебе. Чудесный вечер! Просто невероятный!

– Ну, да, – неуверенно соглашается Лев. Ему не совсем понятно, к чему клонит брат, но у него точно есть что-то на уме. – Это лучший вечер в моей жизни, – говорит он.

– Чертовски верно! Вечер всей жизни! Можно завернуть в него все остальные вечера: дни рождения, свадьбы, похороны, – продолжает Маркус и поворачивается к отцу: – Очень удобно, а, пап?

– Перестань, – говорит отец очень тихо, но Маркус только еще больше распаляется.

– А что такое? Об этом нельзя говорить? Ах да, конечно, это же праздник. Как я мог забыть?

Лев понимает, что Маркус собирается сказать что-то неприятное, и он хочет, чтобы брат замолчал, но при этом ему нужно выслушать все до конца.

– Маркус, немедленно сядь. Ты позоришь себя! – приказывает мать властным голосом, поднимаясь из-за стола.

К этому моменту все находившиеся в зале, замерли и молча следят за разворачивающейся семейной драмой. Маркус, видя, что он привлек всеобщее внимание, выхватывает у кого-то из рук полупустой бокал с шампанским и поднимает его над головой.

– За моего брата Льва, – возвещает он, – и за наших родителей! За людей, всегда поступавших как положено. Праведных людей. Никогда не жалевших денег на благотворительность. Людей, честно отдававших одну десятую того, что они имели, церкви. Эй, мам, хорошо, что у тебя десять детей, а не пять. А то пришлось бы разрезать Льва пополам!

Присутствующие, не сговариваясь, изумленно вздыхают и укоризненно качают головами. Старший сын, и ведет себя столь неподобающим образом. Отец встает с места и хватается Маркуса за руку.

– Ты закончил? – спрашивает он. – Немедленно марш на место!

Маркус сбрасывает руку отца.

– Нет уж, я сделаю кое-что лучше, – говорит он. В его глазах стоят слезы, когда он обращается ко Льву: – Я люблю тебя, братишка... я знаю, что сегодня твой день. Но я не могу в этом участвовать.

Маркус швыряет бокал в стену, засыпав весь бар осколками стекла, разворачивается и бросается вон из комнаты столь решительно, что Льву сразу же становится ясно: он ошибся, думая, что брат пьян.

Отец подает сигнал, и оркестр начинает играть танцевальную музыку, хотя Маркус даже не успел еще покинуть огромный зал. Люди выходят на танцевальную площадку, стараясь поскорее загладить неловкость от слов Маркуса.

– Мне жаль, что так вышло, Лев, – говорит отец. – Почему бы тебе... не пойти потанцевать?

Но Лев обнаруживает, что танцевать больше не хочется. Брат покинул зал, и вместе с ним ушло желание быть в центре всеобщего внимания.

– Я бы хотел поговорить с пастором Дэном, если ты не против.

– Конечно.

Пастор Дэн был другом семьи еще в те времена, когда Льва не было на свете. Мальчику всегда было легче обсудить интересующий его вопрос с ним, нежели чем с родителями, потому что священник наделен мудростью и терпением.

В зале слишком шумно и тесно, и они выходят на патио, с которого открывается прекрасный вид на поле для игры в гольф.

– Тебе страшно? – спрашивает пастор. Он, как всегда, прекрасно понимает, что у Льва на уме.

Мальчик кивает:

– Я думал, что готов. Теперь мне страшно.

– Это естественно. Не волнуйся.

Но Льву от этого не легче. Он разочарован собой.

Всю жизнь он готовился к этому дню – казалось бы, достаточно долго. Лев с младенчества знал, что его принесут в жертву. «Ты особенный, – всегда говорили ему родители. – Ты призван служить Богу и людям». Лев не помнит, сколько лет ему было, когда он понял, что они имеют в виду.

– Тебя достают ребята в школе?

– Не больше, чем обычно, – отвечает Лев пастору. Это правда. Всю жизнь ему приходилось иметь дело с ребятами, ненавидевшими его за то, что взрослые относились к нему не так, как к ним. Дети, как и взрослые, делятся на добрых и злых. Конечно, ему было неприятно, когда дети дразнили его «мешком с ливером». Словно он был таким же, как те мальчики и девочки, чьи родители подписывали разрешение на разборку, чтобы избавиться от них. Родители Льва даже в страшном сне не захотели бы избавиться от мальчика, получающего в школе одни пятерки и завоевавшего титул лучшего игрока в бейсбольной лиге юниоров. То, что его отправляют на разборку, еще не значит, что родители мечтают отдать его лишь бы куда, только чтобы больше не видеть.

Он не единственный ученик в школе, кому суждено быть принесенным в жертву, но остальные мальчики принадлежат к иным вероисповеданиям, и Лев никогда не ассоциировал себя с ними. Все его друзья, пришедшие на вечеринку – вот доказательство того, что он не изгой, хоть они и не такие, как он: их тела и органы принадлежат им, и они проживут свою жизнь целыми. Лев всегда чувствовал, что Бог ему ближе самого близкого друга, даже ближе родителей, братьев и сестер. Иногда он спрашивал себя, всегда ли быть избранным значит быть одиноким? Может быть, это с ним что-то не так?

– У меня много несправедных мыслей, – говорит Лев пастору.

– Неправедных мыслей не бывает. Бывают просто мысли. И от некоторых нужно избавляться.

– Понятно... Знаете, я просто завидую братьям и сестрам. Думаю о том, как ребята из бейсбольной команды будут играть без меня. Я знаю, быть принесенным в жертву – почетная обязанность и Божье благословение, но не могу понять, почему выбор пал именно на меня.

Пастор Дэн, обычно смотрит людям прямо в глаза, но сейчас отводит взгляд.

– Это было предопределено еще до твоего рождения. Здесь нет никакой связи с твоими поступками.

– Да, но я знаю множество ребят из многодетных семей.

– Сейчас это не редкость, – кивает пастор Дэн.

– Но многие семьи не приносят детей в жертву – даже те, кто ходит в нашу церковь, – и никто их за это не винит.

– Но есть и люди, приносящие в жертву первого, второго или третьего ребенка. Каждая семья решает по-своему. Твои родители очень долго думали, прежде чем решились дать тебе жизнь.

Лев нехотя кивает, соглашаясь с пастором. Ему известно, что он говорит правду. Он «истинная жертва». У родителей пять родных отпрысков, один усыновленный ребенок и трое подкидышей. Получается десять. Лев – одна десятая того, что имеют мать с отцом. Родители всегда говорили мальчику, что это и делает его особенным.

– Я хочу тебе кое-что сказать, Лев, – говорит пастор Дэн, решившись наконец взглянуть мальчику в лицо. Его глаза, как и глаза Маркуса несколько минут назад, наполняются слезами. – Я видел, как росли все твои братья и сестры. И, хоть я и дал себе слово не заводить любимчиков, мне кажется, ты лучше их всех в каком угодно смысле этого слова. Я бы даже не смог перечислить твои положительные качества, так их много. Но именно этого хочет Господь, ты же знаешь. Ему нужна не просто какая-то жертва, а все самое лучшее.

– Спасибо, сэр, – говорит Лев, испытывая громадное облегчение. Пастор Дэн всегда знает, что сказать, чтобы человек почувствовал себя лучше. – Я готов, – добавляет мальчик после небольшой паузы. Сказав это, он понимает, что, несмотря на все свои страхи и несправедные мысли, он действительно готов. Это то, ради чего он жил все эти годы. И все же мальчику кажется, что вечер в честь праздника жертвоприношения заканчивается слишком рано.

* * *

На следующее утро за столом в гостиной Колдеров собирается вся семья. Все братья и сестры Льва в сборе. Многие из них уже живут отдельно, но сегодня к завтраку собрались все. За исключением Маркуса.

И все же, несмотря на то что за столом собралось так много народа, в гостиной непривычно тихо. Слышно только, как серебряные ножи и вилки клацают по тарелкам, и от этих звуков тишина в комнате становится еще более гнетущей.

Лев одет в шелковую белую рубашку и брюки – одежду, предписанную ритуалом жертвоприношения. Он старается есть аккуратно, чтобы на белоснежной ткани не осталось пятен. После завтрака все долго прощаются – обнимают Льва и целуют без конца. Проводы даются ему особенно тяжело. Лев мечтает, чтобы его поскорее оставили в покое.

Прибыл пастор Дэн – Лев настоял, чтобы он был рядом, – и как только он появляется в доме, проводы быстро заканчиваются. Никто не смеет попусту тратить драгоценное время пастора. Лев выходит на улицу первым и садится в «кадиллак» отца. Он дает себе слово не оглядываться, но, пока отец заводит двигатель, не выдерживает и поворачивается назад, чтобы последний раз взглянуть на то, как родительский дом медленно исчезает вдаль.

«Я никогда больше сюда не вернусь», – думает он, но поспешно избавляется от этой мысли. Она слишком эгоистична да к тому же непродуктивна. Толку от таких мыслей немного.

Мальчик поворачивается к сидящему рядом на заднем сиденье пастору Дэну. Священник смотрит на него и улыбается.

– Все хорошо, Лев, – говорит он. От одного только звука его голоса мальчику становится легче.

– Далеко до заготовительного лагеря? – спрашивает Лев, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Примерно час езды, – отвечает мама.

– И там со мной сразу... сделают это?

Родители переглядываются.

– Там нам наверняка все объяснят, – говорит отец.

Льву становится ясно, что родители знают не больше, чем он.

Когда машина вырывается на федеральное шоссе, Лев опускает стекло, чтобы свежий ветер дул прямо в лицо, и закрывает глаза, чтобы подготовиться к тому, что его ждет. «Я родился и жил ради этого. Вся моя жизнь была посвящена этому. Я избранный. Господь благословил меня на это. И я счастлив».

Отец неожиданно резко тормозит.

Лев по-прежнему держит глаза закрытыми и не знает, что стало причиной неожиданной остановки. Он лишь ощущает, как скорость резко уменьшается и ремни безопасности натягиваются, вдавливая его в кресло. Открыв глаза, он обнаруживает, что машина остановилась прямо посередине федеральной трассы. Где-то сбоку сверкают огни полицейских мигалок. И, кажется, он только что слышал выстрелы?

– Что случилось? – спрашивает Лев.

Неожиданно оказывается, что прямо за окном стоит мальчик, на пару лет старше Льва. Он выглядит напуганным, опасным. Он нагибается, чтобы нащупать клавишу и поднять стекло, но не успевает – мальчик просовывает руку через окно, поднимает кнопку замка и распахивает дверцу машины. Лев сидит и смотрит на него, от страха не в силах пошевелиться. Он не знает, что делать.

– Мам? Пап? – зовет он.

Мальчик с глазами убийцы хватается за белую шелковую рубашку и тащит из машины, но ничего не получается – мешают ремни безопасности.

– Что ты делаешь? Не трогай меня!

Мама кричит на отца, но тот никак не может расстегнуть свой ремень. Маньяк просовывает руку еще дальше и одним молниеносным движением расстегивает замок ремня, удерживающего Льва. Пастор Дэн хватается за руку и тут же получает сильный удар в челюсть. Лев поражен таким откровенным насилием и не может защищаться в решающий момент. Маньяк снова тянет за рубашку, и Лев вываливается наружу, ударившись головой об асфальт. Он оглядывается и видит, что отец наконец выбрался из машины, но сумасшедший парень, напавший на них, резко открывает дверцу машины, и она ударяет отца прямо в грудь. Отец отлетает в сторону.

– Пап! – кричит Лев, видя, что отец вот-вот упадет прямо под колеса пролетающего мимо автомобиля.

Слава богу, водитель успевает его объехать, но задевает при этом другую машину и сбивает ее с траектории. Автомобиль заносит, и он, крутясь, как волчок, отлетает в сторону. В него тут же врежется следующий автомобиль, и воздух наполняется звоном разбитого стекла и скрежетом смятого железа. Мальчик рывком поднимает Льва в воздух, хватается за руку и тащит в сторону. Лев не слишком велик для своего возраста. Этот маньяк старше на пару лет, выше и сильнее его. Льву не вырваться.

– Отпусти меня! – кричит он. – Возьми, что хочешь. Возьми мой бумажник, – предлагает он, забыв, что никакого бумажника у него нет. – Забери машину. Только никого не убивай.

Мальчик останавливается на секунду, смотрит на машину, но решает, что это не вариант. Мимо летят пули. На другой стороне шоссе полицейским наконец удалось остановить движение, и они уже добрались до разделительного ограждения. Инспектор, оказавшийся ближе всего к ним, снова стреляет. Пуля с транквилизатором попадает в борт «кадиллака» и разлетается вдребезги. Сумасшедший берет Льва в борцовский захват, прикрываясь им, как щитом. Лев понимает, что ему не нужны деньги и машина: ему нужен заложник.

– Перестань сопротивляться! – приказывает маньяк. – У меня пистолет.

Лев чувствует, как что-то твердое тычется ему в ребра. Вскоре он понимает, что это не дуло револьвера, а просто палец, но парень настолько ненормальный, что лучше не сопротивляться, чтобы не злить его.

– Из меня получится плохой живой щит, – говорит он, стараясь урезонить парня. – Они стреляют пулями с транквилизатором, а значит, им все равно, попадут они в меня или нет. Даже лучше, если попадут: тебе придется меня тащить.

– Лучше уж в тебя, чем в меня, – отвечает парень.

Он неуклонно тащит Льва к обочине, петляя, чтобы сбить с толку стрелков и не попасть под пронсящиеся мимо автомобили.

– Послушай, – снова обращается к нему Лев, – ты не понимаешь. Меня должны принести в жертву. Я еду в заготовительный лагерь! Ты все испортил!

Неожиданно в глазах маньяка появляется что-то человеческое.

– Так ты будешь разобраным?

Казалось бы, у Льва и так есть миллион причин прийти в ярость, но его неожиданно задевает то, как его назвали.

– Не разобраным, черт возьми! Меня приносят в жертву!

Над головами мальчиков раздается душераздирающий рев гудка. Лев оборачивается и видит летящий прямо на них автобус. Они не успевают даже закричать. Огромная махина сворачивает в сторону, слетает с дороги и, врезавшись в ствол огромного дуба, останавливается как вкопанная.

Лобовое стекло разбито и залито кровью. Водитель автобуса, скорее всего, погиб. Он висит на стекле и не шевелится.

– Вот дерьмо! – восклицает маньяк, его голос превращается в жуткий стон. Из автобуса выбегает девочка. Маньяк смотрит на нее, и Лев понимает, что, пока он отвлекся, у него появился шанс спастись. Этот мальчик – дикий зверь. Единственный способ борьбы с диким зверем – самому стать хищником. Лев хватается за руку, обвивающую его шею, и кусает ее что есть сил. Во рту появляется привкус крови. Парень кричит и отпускает его шею. Лев бросается вперед, к отцовскому «кадиллаку».

Когда Лев оказывается у машины, открывается задняя дверь. Это пастор Дэн, понимает мальчик, он хочет его спасти. Он видит лицо священника, но на нем странное выражение – кажется, пастор вовсе не рад возвращению мальчика. Его губы уже опухли от удара, нанесенного ему маньяком. Он почти не может говорить.

– Беги, Лев! – хрипит пастор. – Беги!

Лев ожидал чего угодно, только не этого.

– Что? – растерянно спрашивает он.

– Беги! Беги как можно дальше и как можно быстрее. Беги!

Лев стоит на дороге, ничего не понимая, не в силах двинуться. Он совершенно сбит с толку. Почему пастор Дэн приказывает ему бежать? Неожиданно что-то сильно ударяет его в плечо, и мир начинает кружиться, как будто Лев сидит на карусели. Шоссе, автомобили, полицейские – все летит куда-то, и Лев проваливается во тьму.

4. Коннор

Рука болит ужасно. Маленький гаденыш на самом деле укусил его – чуть было кусок мяса из руки не вырвал. Еще один водитель изо всех сил ударяет по тормозам, чтобы не сбить его, и машину разворачивает на сто восемьдесят градусов. Стрельба прекратилась, но Коннор понимает, что это ненадолго. Многочисленные аварии на время отвлекли полицейских, но они вскоре вернутся к своей основной задаче.

В этот момент Коннор встречается взглядом с девочкой, выскочившей из автобуса. Поначалу он подумал, что она побежит к людям, оставшимся в разбитых машинах, чтобы оказать помощь, но она неожиданно бросается в другую сторону и исчезает в лесу. Неужели весь мир сошел с ума?

Придерживая кровоточащую руку, Коннор бросается в лес за девочкой, но внезапно останавливается. Обернувшись, он смотрит на мальчишку в белом. Тот успел добежать до машины. Коннор не знает, где полицейские. Но они точно спрячутся за ограждением или среди разбитых машин. В этот момент Коннор принимает молниеносное решение. Он понимает, что совершает безрассудный поступок, но ничего не может с собой поделать. В голове Коннора одна-единственная мысль: из-за него погибли люди. Водитель автобуса, может, еще кто-то. Даже если придется рискнуть головой, думает он, нужно как-то искупить вину. Нужно сделать что-то хорошее, спасти кого-то, чтобы сгладить последствия своей смертельной самоволки. Вопреки инстинкту самосохранения он бежит за парнем в белой шелковой рубашке, идущим на разборку с такой идиотской радостью.

Подбежав к машине, Коннор неожиданно обнаруживает в десяти метрах инспектора по работе с несовершеннолетними. Полицейский целится в него и нажимает на курок. Черт, не нужно было так рисковать! Надо было убежать, пока была возможность. Коннор ждет, когда его ужалит пуля с транквилизирующим веществом, но она в него не попадает, потому что мальчик в белом делает шаг назад, и пуля попадает ему в плечо. Через две секунды у него подгибаются колени, и парень падает на асфальт, сраженный пулей, предназначенной для Коннора.

Тот молниеносно подхватывает мальчика, перебрасывает его через плечо и бросается бежать. Мимо летят новые пули, но ни одна из них не достигает цели. Через несколько секунд Коннор пробегает мимо автобуса, возле которого стоит толпа потрясенных подростков. Растолкав их, Коннор исчезает в лесу.

Сразу у дороги начинается густая чаща – кроме веток деревьев, идти мешают цепляющиеся за одежду кусты и вьющиеся растения. Но Коннор видит, что девочка из автобуса тут и там оставляет за собой дорожку из сломанных веток и кустов. Они могут привлечь внимание полицейских, думает он.

Он замечает ее и кричит:

– Стой!

Она оборачивается, но лишь на секунду, и с новой силой устремляется в чащу.

Коннор останавливается, осторожно кладет на землю мальчика в белом и бежит вперед, чтобы догнать девочку. Настигнув ее, он осторожно, но крепко берет ее за руки, чтобы она не вырывалась.

– От кого бы ты ни убегала, нам не уйти, если мы не объединимся, – говорит Коннор. Он оглядывается в поисках полицейских, но их еще не видно. – Послушай меня, у нас мало времени.

Девочка перестает вырываться и смотрит на него.

– Что ты задумал? – спрашивает она Коннора.

5. Полицейский

Инспектор Нельсон служит в отделе по работе с несовершеннолетними уже двенадцать лет. Он знает, что, однажды решившись на побег, подросток, старающийся избежать разборки, не сдастся, пока у него совсем не останется сил. А сил у них много – и дело тут в высоком уровне адреналина, а подчас и других химических соединений в крови. В лучшем случае, это никотин или кофеин, а может что похуже. Инспектор Нельсон не раз жалел о том, что в обойме его пистолета ненастоящие пули. Он считает, что гораздо правильнее лишать этих подонков жизни, чем усыплять. Может, тогда бы они не решались на побег так часто – а если бы и решались, то невелика потеря.

Двигаясь по следу, оставленному в лесу беглецом, инспектор неожиданно находит на земле чье-то тело. Приглядевшись, он узнает заложника.

Его бросили прямо на тропе. На белой одежде повсюду зеленые и бурые пятна – грязь и следы от листвы. Хорошо, думает Нельсон. Не так уж это и плохо, что пуля досталась этому парню. Иначе мог бы и погибнуть от рук беглеца. Так ему и не довелось узнать, куда собирался затащить его малолетний преступник и что бы там с ним сделал.

– Помогите! – вдруг слышит Нельсон. Судя по голосу, кричит девочка. Этого инспектор не ожидал. – Помогите, прошу вас. Я ранена!

Нельсон оглядывается и замечает девочку, сидящую у ствола дерева. Она придерживает одну руку другой, лицо перекошено от боли. У инспектора нет времени, но лозунг «Защищать и служить» для него не пустые слова. Иногда он даже жалеет о том, что родился с таким обостренным чувством долга.

Он подходит к девочке.

– Что ты здесь делаешь?

– Я была в автобусе. Когда случилась авария, я испугалась и убежала, потому что думала, что он взорвется. Мне кажется, я сломала руку.

Инспектор нагибается, чтобы было лучше видно, но не находит даже синяков. Это могло бы стать зацепкой, но в голове инспектора хаос.

– Оставайся здесь, я сейчас вернусь, – говорит Нельсон.

Он разворачивается, чтобы броситься за беглецом, и в то же мгновение что-то обрушивается на него сверху. Даже не что-то, а кто-то! Беглец собственной персоной. Через секунду инспектора атакуют уже двое – мальчик и девочка, притворявшаяся раненой. Они же заодно, приходит в голову Нельсону. Как он мог быть таким беспечным? Инспектор тянется к кобуре за пистолетом, но его нет на месте. Зато к левому бедру прикасается что-то твердое. Заглянув в темные, порочные глаза беглеца, он видит в них ликование.

– Спокойной ночи, – говорит мальчик.

Нельсон чувствует острую боль в левой ноге, и мир исчезает во тьме.

6. Лев

Очнувшись, Лев чувствует тупую боль в левом плече. Сначала ему кажется, что он его просто отлежал, но вскоре мальчик понимает, что он, похоже, ранен. Пуля с транквилизирующим средством вошла именно в левое плечо, но Лев этого еще не знает. Все, что случилось с ним двенадцать часов назад, кажется ему фантастическим, да к тому же еще и полузабытым сном. Точно он помнит только одно: его должны были принести в жертву, но по пути на них напал подросток-убийца и похитил его. Но это не все. По какой-то странной причине он думает о пасторе Дэне. Пастор приказал ему бежать.

Лев уверен, что это какая-то галлюцинация, потому что он не может поверить в то, что пастор мог сказать такое. Лев открывает глаза и поначалу ничего не может разобрать. Понять, где он, мальчик тоже не может. Ясно только, что на дворе ночь и он не попал туда, куда должен был попасть. Наконец зрение понемногу проясняется, и Лев видит небольшой костер и сидящего у огня напротив него безумного мальчика, напавшего на их машину. Мальчик не один, с ним неизвестная Льву девочка.

Только в этот момент Лев понимает, что в него попала пуля с транквилизатором. Голова ужасно болит, тошнит немилосердно, и голова соображает довольно слабо. Мальчик хочет встать, но понимает, что сделать этого не может. Сначала Лев приписывает это действию транквилизатора, но потом понимает, что кто-то привязал его к дереву похожими на веревки стеблями вьющихся растений.

Он хочет заговорить, но вместо слов получается какое-то нечленораздельное слюнявое шипение. Мальчик и девочка смотрят на него, и Лев думает, что они его сейчас убьют. Специально ждали, наверное, пока он очнется, маньякам такое нравится. – О, смотри-ка, кто вернулся из страны снов, – говорит мальчик с дикими глазами. Только глаза у него больше не дикие, этого эпитета, пожалуй, заслуживают лишь его волосы – торчат во все стороны, как будто он забыл причесаться после сна.

Лев снова пробует заговорить, и, хотя ему кажется, что язык сделан из резины, одно слово выдавить все же удается.

– Где... – силится спросить он.

– Точно не скажу, – отвечает парень.

– Но, по крайней мере, в безопасности, – добавляет девочка.

«В безопасности? Ничего себе, – думает Лев. – О какой безопасности может идти речь в такой ситуации?»

– З-з-заложник? – бормочет Лев.

Мальчик и девочка переглядываются.

– Вроде того, – говорит парень.

Между собой ребята общаются, словно старые друзья. Хотят усыпить бдительность, думает Лев. Думают перетянуть на свою сторону, а потом использовать для совершения преступлений, которые они спланировали. Этому даже какое-то научное название есть. Когда заложник принимает сторону тех, кто его похитил. Какой-то там синдром.

Сумасшедший парень смотрит на кучку ягод и орехов, без сомнения собранных здесь же, в лесу.

– Есть хочешь? – спрашивает он Льва.

Лев кивает, но после этого голова начинает кружиться так, что он понимает: лучше не есть, какой бы голод он ни испытывал, потому что все тут же выйдет обратно.

– Нет, – говорит он.

– Вид у тебя растерянный, – замечает девочка. – Но ты не переживай, это же транквилизатор. Скоро выветрится.

Стокгольмский синдром! Вот как. Нет, этой парочке его не обмануть. Никогда им не переманить его на свою сторону.

Но пастор Дэн велел ему бежать.

Зачем? Что он хотел сказать? Чтобы он бежал от похитителей? Может, он и это имел в виду, но был в его словах еще какой-то смысл. Лев закрывает глаза и старается отогнать назойливые мысли.

– Родители будут меня искать, – говорит Лев, обнаружив, что язык начал слушаться, и вместо разрозненных слов он снова может произносить целые предложения. Ребята не отвечают. Вероятно, им нечего возразить. – И сколько вы хотите за меня получить?

– Получить? Ничего не хотим, – отвечает сумасшедший мальчик. – Я забрал тебя с собой, чтобы спасти, идиот!

Спаси? Лев недоверчиво смотрит на похитителя.

– Но... меня же... в жертву...

Маньяк снова смотрит на него и качает головой:

– Никогда еще не видел человека, мечтающего, чтобы его разобрали на органы.

Нет смысла объяснять этим богохульникам, что такое жертвоприношение. Им не понять, какое это счастье – принести себя в жертву Всевышнему. Они никогда этого не поймут, а если и поймут, не прочувствуют. Что сказал этот парень? Что он его спас? Да он не спас его, а обрек на вечное проклятие.

Вдруг Льву приходит в голову счастливая мысль. Он понимает, как можно обратить ситуацию себе на пользу.

– Меня зовут Лев, – представляется он, стараясь говорить по возможности беззаботно.

– Приятно познакомиться, Лев, – говорит девочка. – Меня зовут Риса, а это Коннор.

Коннор с упреком смотрит на нее, и Лев понимает, что она назвала их настоящие имена. «Не слишком хороший ход для похитителей, но большинство преступников – тупицы», – с удовлетворением думает Лев.

– Сожалею из-за пули с транквилизатором, – говорит Коннор, – но полицейский оказался плохим стрелком.

– Ты в этом не виноват, – отвечает Лев, хотя именно Коннор во всем и виноват. Недавние события снова проносятся перед его мысленным взором. – Я бы никогда не убежал по своей воле, – признается он. – Это был самый важный день в моей жизни.

На этот раз Лев говорит правду.

– Значит, тебе повезло, что появился я, – говорит Коннор.

– Да уж, – соглашается с ним Риса, – если бы Коннор не перебежал дорогу в этом месте, меня бы уже разобрали, наверное.

Наступает тишина. Лев старается заглушить отвращение и не выдать себя.

– Благодарю, – говорит он. – Спасибо, что спас меня.

– Да не за что, – отмахивается Коннор.

Хорошо. Пусть думают, что он благодарен. Пусть считают, что втерлись к нему в доверие. Убедив себя в том, что Лев не опасен, они лишатся бдительности, и уж тогда он сделает все возможное, чтобы эта парочка получила по заслугам.

7. Коннор

Нужно было оставить себе отнятый у инспектора пистолет, но Коннор был слишком взволнован, чтобы думать. Он так испугался, усыпив полицейского при помощи его же собственного оружия, что бросил его и убежал. Точно так же он бросил рюкзак там, на шоссе, чтобы легче было нести Льва. А между тем в рюкзаке остался бумажник, где были все его деньги. Теперь карманы Коннора пусты.

Было поздно – точнее, слишком рано. Скоро наступит рассвет. Они с Рисой шли по лесу весь день – настолько быстро, насколько это было возможно с бессознательной жертвой разборки на плече. Когда наступила ночь, ребята решили остановиться и поспать, по очереди неся караул.

Коннор понимает, что Льву доверять нельзя, поэтому и привязал его к дереву. Нельзя доверять и девчонке. Хоть она сбежала сама, когда автобус оказался в кювете. У них одна цель – остаться в живых; и только это их объединяет.

Луна скрылась за горизонтом, но на другой стороне неба уже посветлело. Их фотографии наверняка разослали повсюду. Вы видели этих подростков? Если увидите, не пытайтесь вступить с ними в контакт: они опасны. Следует незамедлительно позвонить в полицию. Забавно: Коннор потратил кучу времени в школе, стараясь убедить других в том, что он – агрессивный, непредсказуемый парень, но, когда дело доходило до драки, он и сам не знал, соответствует созданному образу или нет. Скорее, нет. Он опасен сам для себя, не более того.

Лев все время следит за ним. Поначалу он смотрел на Коннора отсутствующим взглядом, а голова клонила набок, но сейчас он буквально прожигает его глазами. Коннор ощущает на себе этот взгляд даже в темноте – холодный взгляд немигающих голубых глаз. Парень что-то замышляет. Станный он. Коннор не знает, что у Льва на уме, и не уверен, что хочет это знать.

– Если не обработать, на месте укуса начнется воспаление, – говорит Лев.

Коннор смотрит на руку и видит, что она опухла, а рана продолжает кровоточить. Он не чувствовал боли, пока Лев не напомнил.

– Я сам разберусь.

Лев продолжает наблюдать за ним.

– За что тебя отдали на разборку?

Коннору вопрос не нравится. По многим причинам.

– Ты хочешь спросить, почему меня хотели отдать на разборку? Как видишь, не отдали.

– Отдадут, если поймают.

Коннору хочется врезать парню по самодовольной физиономии как следует, но он сдерживается. Не для того же он спасал мальчишку, чтобы избить.

– И каково это – всю жизнь ждать, пока тебя принесут в жертву? – говорит Коннор. Он хотел подколлоть парня, но тот неожиданно воспринимает вопрос всерьез.

– Это гораздо лучше, чем идти по жизни, не зная, с какой целью ты это делаешь.

Теперь Коннор не уверен, хотел ли мальчик умышленно задеть его или нет. Получается, его, Коннора, жизнь вроде как бессмысленна. Ему начинает казаться, что не он привязал Льва к дереву, а наоборот.

– Думаю, все могло быть еще хуже, – говорит он. – Мы могли бы кончить, как Хэмфри Данфи.

Услышав это имя, Лев удивляется:

– Ты тоже слышал эту историю? Я думал, ее рассказывают только у нас в округе.

– Неа, – говорит Коннор. – Дети рассказывают ее везде.

– Это байка, – вклинивается в разговор Риса, которая, оказывается, уже проснулась.

– Может быть, – соглашается Коннор. – Но однажды мы с приятелем пытались это проверить, когда сидели за компьютером в школе. Мы взломали сайт, на котором была эта история, и выяснили, что его родители сошли с ума. А потом компьютер просто сломался. Оказалось, мы вызвали на себя вирусную атаку. Все, что было на локальном сервере, оказалось стерто. Совпадение? Не думаю.

Лев не возражает, но Риса возмущена.

– Знаешь, я никогда не кончу, как Хэмфри Данфи, – говорит она, – потому что нужно для начала иметь родителей, которые могут сойти с ума, а у меня их нет.

Риса садится. Коннор отрывает взгляд от тлеющего костра и видит, что уже рассвело.

– Если мы не хотим, чтобы нас поймали, – замечает Риса, – нужно снова сменить направление. И надо подумать о маскировке.

– А что можно сделать? – спрашивает Коннор.

– Пока точно не знаю. Для начала сменить одежду. Изменить прически. Искать будут двух мальчиков и девочку. А я могла бы подстричься под мальчика.

Коннор внимательно смотрит на Рису и улыбается. Риса красивая. Ариана тоже красивая, но Риса лучше. Красота Арианы была только в макияже, пигментации глаз и прочих штуках. А Риса естественна и при этом очень красива. Без задней мысли, Коннор осторожно дотрагивается до ее волос.

– Не думаю, что ты можешь сойти за мальчика...

Неожиданно Риса молниеносным движением выкручивает ему руку, заводит ее ему за спину и лишает возможности двигаться. Коннору так больно, что он даже охнуть не может.

– Эй, эй, полегче, – с трудом произносит он.

– Еще раз тронешь, руку оторву, – говорит Риса. – Понял?

– Да, да, хорошо. Без рук. Я понял.

Лев, сидя у корней дуба, к которому его привязал Коннор, залиvisto смеется. Видимо, ему приятно видеть Коннора в таком неловком положении.

Риса отпускает руку. Коннору уже не так больно, но плечо все еще ломит.

– Да что ты, в самом деле, – говорит он, стараясь не показывать, что ему все еще больно. – Я же не имел в виду ничего плохого. У меня и в мыслях не было тебя обидеть.

– Теперь и не будет, – отчеканивает Риса, хотя заметно, что она сожалеет о том, что была так груба. – Не забывай о том, что я жила в интернате.

Коннор понимающе кивает. Он слышал о детях, живущих в государственных интернатах. Им приходится защищать себя с младенчества, иначе жизнь будет несладкой. Он сразу должен был догадаться, что Риса – недотрога.

– Извините, – говорит Лев, – но я не могу идти, если вы меня не отвяжете.

Коннору опять не нравится его взгляд.

– Откуда мне знать, может, ты опять убежишь?

– Ты и не можешь знать. Сейчас я заложник. Но если ты меня отвяжешь, я стану таким же беглецом, как вы. Пока я связан, мы враги. Развяжешь, станем друзьями.

– Ладно, если не убежишь, – соглашается Коннор.

Риса начинает нетерпеливо распутывать стебли растений, которыми связан мальчик.

– У нас нет выбора, – говорит она, – либо мы его развязываем, либо оставляем здесь. Придется рискнуть.

Коннор становится рядом на колени, чтобы помочь ей, и вскоре Лев свободен. Он поднимается на ноги и потягивается, потирая плечо, в которое угодила пуля с транквилизатором. Может, думает Коннор, он уже перестал чувствовать себя священной жертвой. Хочется верить, что желание жить окажется сильнее и он начнет трезво смотреть на вещи.

8. Риса

Риса начинает беспокоиться, потому что в лесу все чаще попадаются обрывки упаковки и кусочки пластика – первым свидетельством человеческой цивилизации всегда является мусор. Если рядом город, значит, люди, живущие в нем, могут их узнать. Фотографии всех троих наверняка показывали в утренних новостях.

Риса понимает, что полностью исключить контакты с людьми не получится. Шансов остаться незамеченными практически нет. Их никто не должен узнать, но в то же время обойтись без помощи других людей не удастся. Обращаться к кому-то все равно придется.

Коннор, как всегда, рад поспорить, когда Риса делится с ним своими соображениями.

– Зачем нам посторонние? – спрашивает он, глядя на следы жизнедеятельности человека, встречающиеся уже повсеместно. Ребята проходят мимо полуразвалившейся, поросшей мхом каменной стены и ржавой металлической вышки, служившей опорой высоковольтной линии во времена, когда электричество еще передавали по проводам. – Не нужен нам никто. Сами возьмем, что надо.

Риса вздыхает, стараясь держать себя в руках.

– Я понимаю, что ты хорош в воровстве, – говорит она терпеливо, – но это неправильно. Ты так не считаешь?

Коннора это задевает:

– А ты считаешь, люди дадут нам поесть или что там еще нам понадобится просто так, по доброте душевной?

– Я так не считаю, – говорит Риса, – но если мы все как следует обдумаем, может быть, у нас появится шанс.

От ее слов, а может, от ее снисходительного тона, Коннор приходит в бешенство. Риса замечает, что Лев за ними пристально наблюдает, не вмешиваясь в разговор. Если он решил бежать, думает Риса, сейчас самое время. Неожиданно ей приходит в голову, что их с Коннором спор – отличная возможность проверить, хочет ли Лев остаться с ними или тянет время, дожидаясь подходящего момента, чтобы сбежать.

– Куда это ты пошел?! – рычит она на Коннора, чтобы подлить масла в огонь, краем глаза следя за Львом. – Я, между прочим, еще не закончила!

– А кто сказал, что я должен тебя слушать? – спрашивает Коннор, вновь поворачиваясь к ней.

– Если бы у тебя были мозги, ты бы меня слушал, но ясно, что их нет!

Коннор подходит совсем близко к Рисе, нарушая границы личного пространства. Это ей не нравится.

– Если бы не я, ты бы уже сидела в заготовительном лагере! – говорит Коннор.

Риса поднимает руку, чтобы оттолкнуть его, но парень реагирует быстрее и успевает схватить ее за запястье. Риса понимает, что зашла слишком далеко. Что она, в сущности, знает о нем? Его хотели отдать на разборку. Может, тому есть веские причины. Может, даже очень веские.

Риса понимает, что сопротивляться не нужно, так как, защищаясь, она отдает преимущество в руки Коннора.

– Отпусти меня, – говорит она, стараясь, чтобы ее голос звучал максимально весомо и спокойно.

– Почему? Что по-твоему я с тобой сделаю?

– Потому что ты второй раз дотронулся до меня без разрешения, – говорит Риса. Но Коннор все равно не отпускает, хотя сжимает руку уже не так крепко. И как-то не грубо, без угрозы. Скорее, нежно. Риса могла бы легко вырвать руку. Но почему же она этого не делает?

Риса понимает, что, продолжая удерживать ее, Коннор хочет ей что-то сказать, но что именно, девушка не знает. Может быть, он держит ее так нежно, чтобы показать, что не причинит ей вреда? Или, наоборот, сделает ей больно, если захочет?

Впрочем, это не важно, думает Риса. Даже легкое насилие все равно остается насилием. Она смотрит вниз. Один удар каблуком, и коленная чашечка будет сломана.

– Я тебя в одну секунду вырублю, – тихо, но угрожающе говорит Риса.

Если он и испугался, вида не показывает.

– Я знаю, – так же тихо отвечает Коннор.

Видимо, он интуитивно понимает, что она ничего ему не сделает, что первый раз она оборонялась лишь для того, чтобы показать ему, на что способна, да и то скорее рефлекторно, чем сознательно. Теперь же, если она ударит его, это будет обдуманное, взвешенное решение.

– Отойди, – просит она, и в голосе Рисы Коннор уже не слышит решимости, бывшей железной всего пару минут назад.

На этот раз он слушается ее: отпускает руку и отступает на два шага. Они могли бы подраться, но не стали этого делать. Риса не совсем понимает, что это значит, но чувствует, что злиться на мальчика не просто потому, что он ее не слушается: есть и другие причины, причем их столько, что сразу даже не разобраться.

– Все это очень занимательно, но мне кажется, в драке мало пользы, – произносит чей-то голос со стороны.

Это Лев, и Риса понимает, что ее маленький эксперимент провалился. Она хотела сделать вид, что они с Коннором ссорятся, чтобы проверить, бросится ли он бежать, но сама так увлеклась спором, что совершенно забыла об эксперименте. Если бы он сбежал, успел бы далеко уйти, а они бы спохватились только сейчас.

Напоследок Риса награждает Коннора сердитым взглядом, и они отправляются дальше. Проходит минут десять, и Лев отходит в кусты. Коннор пользуется его отлучкой, чтобы снова заговорить с Рисой.

– Хорошо придумано, – говорит он. – Сработало на сто процентов.

– Что?

– Я насчет ссоры, – говорит он шепотом, наклоняясь к уху Рисы. – Ты же ее специально затеяла, чтобы проверить, сбежит Лев или нет, пока мы не обращаем на него внимания, правильно?

– Ты знал? – спрашивает Риса ошеломленно.

Коннор недоуменно смотрит на нее.

– Ну... да, – признается он.

Риса растеряна. Если раньше она думала, что парень не так прост, как кажется, то теперь и вовсе не знает, что думать.

– Значит, ты просто подыгрывал мне?

Теперь и Коннор выглядит растерянным.

– Ну да... Вроде того. А что, ты разве серьезно?

Риса прячет улыбку. Неожиданно девочка понимает, что теперь чувствует себя комфортнее рядом с Коннором. Как такое может быть, непонятно. Если бы они поссорились всерьез, она бы отнеслась к Коннору настороженно. То же самое, если бы они, сговорившись, устроили показательное выступление, и оно оказалось таким успешным: Риса никогда бы не смогла доверять Коннору, если бы увидела, что он может так виртуозно лгать. В итоге получилось что-то среднее: они и ссорились по-настоящему, и ломали комедию одновременно. Это было нормальным – они были похожи на воздушных акробатов, исполняющих смертельные трюки над страховочной сеткой.

Риса думает над этим странным ощущением, когда к ним присоединяется Лев, и они вместе отправляются навстречу цивилизации.

Часть вторая. Приемьши

«Нельзя изменить закон, не изменив сначала человеческую природу».

Медсестра Грета

«Нельзя изменить человеческую природу, не изменив сначала закон».

Медсестра Ивонна

9. Мать

Матери девятнадцать, но она совершенно не чувствует себя взрослой. У нее мудрости и уверенности в том, что она справится с этой ситуацией, не больше, чем у маленькой девочки. Она думает, когда же она перестала быть ребенком? По закону, это случилось, когда ей исполнилось восемнадцать, но законы и судьи не знают ничего о ней. Роды были очень болезненными, девушке все еще не по себе, но она крепко прижимает младенца к груди. Она намеренно выбирает самые темные улицы. Вокруг ни души. Контейнеры с мусором отбрасывают на асфальт резкие прямоугольные тени. Под ногами хрустит битое стекло. Девушка знает: в этот глухой час легче всего сделать то, что она задумала. Даже койоты и другие хищники спят. Мысль о том, что невинный ребенок может пострадать, для нее нестерпима.

Рядом, скосбочившись, стоит гигантский контейнер для строительного мусора. Ей кажется, что он вот-вот оживет, протянет к ней лапы, утащит ребенка и спрячет в своем отвратительном чреве. Она осторожно обходит контейнер и идет дальше по пустынной улице.

Вскоре после принятия Билля о жизни молоденькие девушки, оказавшиеся в таком же положении, как она, часто бросали детей в такие вот контейнеры. Девушки, ставшие матерями помимо желания, выбрасывали своих детей, как мусор. Младенцев находили в контейнерах столько раз, что о таких случаях даже перестали рассказывать в новостях – они стали частью повседневной жизни.

Забавно, что Билль о жизни был принят для защиты священного дара – человеческой жизни. Но в итоге жизнь перестала стоить хоть что-то. Слава богу, был принят замечательный закон, дававший таким девушкам, как она, надежду на иной исход. Робкий рассвет становится ранним утром, и девушка покидает трущобы, в которых пряталась ночью. Теперь она в фешенебельной части города. Девушка проходит улицу за улицей, и дома становятся все богаче и привлекательней. Да, это отличное место, чтобы оставить ребенка. Теперь нужно выбрать подходящий дом.

Осмотревшись, она выбирает средний особняк. Дорожка, ведущая от тротуара к крыльцу, совсем короткая. Значит, можно будет оставить ребенка на крыльце и быстро исчезнуть. Вдоль стены растут деревья, и никто из дома или с улицы не увидит, что она сделала.

Она осторожно подходит к крыльцу. Свет в окнах не горит. На дорожке, ведущей к гаражу, стоит машина. Наверное, хозяева дома. Она осторожно, стараясь не шуметь, поднимается по ступенькам, присаживается на корточки и кладет спящего ребенка на коврик у двери. Малыш завернут в два одеяла, на голове шерстяная шапочка. Девушка укутывает ребенка плотнее. Это все, что она научилась делать, став матерью.

Сначала она думает позвонить в дверь и убежать, но потом решает, что не стоит этого делать. Если ее поймут, ей придется оставить ребенка себе – это тоже часть закона – но если

же хозяева выходят утром на крыльцо и находят там ребенка, их называют «нашедшими опекунами». Хотят они того или нет, но отныне ребенок считается частью их семьи.

В тот самый момент, когда ей стало известно, что она беременна, девушка решила, что подкинет ребенка какой-нибудь обеспеченной семье. Она надеялась на то, что передумает, когда увидит его беспомощный взгляд, но кого она обманывает? У нее не было желания стать матерью, да никто этому ее и не учил. Поэтому она и замыслила подкинуть ребенка.

Девушка понимает, что задержалась на крыльце дольше, чем нужно, – в окне на верхнем этаже уже горит свет. Она заставляет себя оторваться от спящего младенца и уходит. Почувствовав, что тяжелая ноша упала с плеч, девушка испытывает прилив внутренних сил. Ей предоставлен еще один шанс распорядиться своей жизнью, и на этот раз она будет умнее. Поспешно удаляясь, она думает о том, как прекрасно, что в жизни ей выпал второй шанс. Чудесно, что она может отказаться от своей ответственности так легко.

10. Риса

Недалеко от той улицы, где оставила подкидыша молодая мать, у двери дома на краю леса стоит Риса. Она звонит в звонок, и на зов выходит женщина в банном халате.

Риса ослепительно улыбается хозяйке.

– Доброе утро. Меня зовут Диди. Я собираю одежду и продукты. Меня послал школьный комитет. Когда соберем достаточно, отдадим бездомным. Это, знаете, такой конкурс у нас: кто соберет больше, выиграет путешествие во Флориду. Было бы очень, очень здорово, если бы вы нам помогли!

Сонная женщина пытается понять хоть что-то из того, что бормочет эта «Диди». Сбор одежды для бездомных? Она не может вставить ни единого слова, потому что Диди болтает без умолку. Если бы у Рисы была жевательная резинка, она бы обязательно надула пузырь в паузе между словами, чтобы окончательно войти в образ.

– Пожалуйста, пожалуйста, я вас очень прошу! Я уже на втором месте, а мне так хочется выиграть поездку!

Женщина в халате вздыхает, понимая, что Диди с пустыми руками все равно не уйдет. Иногда легче дать девчонке вроде нее то, что она просит, чем тратить время на споры.

– Я сейчас вернусь, – говорит женщина и исчезает в доме.

Через три минуты Риса возвращается с сумкой, битком набитой одеждой и банками с консервами.

– Это просто чудо, – замечает Коннор. Они со Львом наблюдали за представлением, спрятавшись за деревьями.

– Спасибо за комплименты, – говорит Риса, – Я же артистка. Это почти то же самое, что играть на рояле. Нужно просто знать, какую клавишу нажать, чтобы затронуть нужную струну в душе человека.

– Ты была права. Это куда лучше, чем красть.

– Хотя попрошайничество и есть кража, – как бы невзначай замечает Лев.

Рисе неприятно, что ее назвали воровкой, но она старается этого не показывать.

– Может, и так, – говорит Коннор. – Но это изящная кража.

Ребята вышли из леса у края коттеджного поселка. Аккуратно подстриженные газоны усыпаны желтыми листьями. Осень вступила в свои права. Застройка в поселке однотипная, но каждый дом чем-нибудь отличается от других. То же самое с жителями – с виду все одинаковые, но все особенные. Такую жизнь Риса раньше видела только по телевизору и на картинках в журналах. Для нее богатые окраины – волшебное королевство. Возможно, именно это ощущение и придало ей смелости, и она решила назваться Диди и позвонить в дверь одного из домов. Вид красивых коттеджей манил ее, как манит несчастных сирот, обитающих в Двадцать третьем Государственном Интернате, запах свежего хлеба, который выпекают для них каждое утро в огромных печах на кухне.

Спрятавшись в лесу, ребята склоняются над сумкой, как будто она полна новогодних подарков. Там обнаруживается пара брюк и синяя рубашка, которая приходится впору Коннору. Куртка подходит Льву. Для Рисы ничего не находится, но это не страшно. Она может пойти к другому дому и повторить свой номер с «Диди».

– Я по-прежнему не понимаю, какой смысл менять одежду, – замечает Коннор.

– Ты когда-нибудь телевизор смотрел? – спрашивает Риса. – В полицейских шоу в ориентировках на преступников всегда описывается одежда, в которой их видели в последний раз.

– Мы же не преступники, – возражает Коннор, – мы в самоволке.

– Мы нарушители, – замечает Лев. – То, что мы делаем, подпадает под действие федеральных законов.

– Что именно? Кража одежды? – спрашивает Коннор.

– Нет, кража самих себя. Когда разрешение на разборку подписано, мы становимся государственной собственностью. Мы ушли в самоволку и автоматически сделали федеральными преступниками.

Рисе разъяснения Льва не нравятся, а Коннору и подавно, но ребята решают, что думать об этом бессмысленно.

К сожалению, опасное вторжение в поселок совершенно необходимо. Возможно, позже, когда начнется рабочий день, они найдут библиотеку и смогут скачать карту района. Имея карту, можно передвигаться по лесу, не опасаясь заблудиться или выйти не туда, или спрятаться. Ходят слухи, что в лесах скрываются целые общины беглецов, не желающих быть разобранными на органы. Может, они найдут одну такую.

Осторожно продвигаясь в глубь жилого района, ребята встречают молодую женщину, почти девочку, лет девятнадцати, не более. У нее странная походка – девушка прихрамывает, как будто получила травму, или только выздоравливает. Риса готовится к худшему – девушка может узнать их, – но та проходит мимо, не глядя в глаза, и, прибавив шагу, исчезает за углом.

11. Коннор

Незащищенные. Уязвимые. Коннор хотел бы, чтобы они остались в лесу. Но, с другой стороны, в лесу, кроме ягод и орехов, нечего есть. Нормальную еду можно найти только в городе. Еду и информацию.

– Сейчас самое подходящее время, – говорит Коннор остальным. – На нас никто не обратит внимания. По утрам все торопятся. Опаздывают на работу и все такое.

В кустах Коннор находит газету, неудачно брошенную мальчишкой-газетчиком.

– Смотрите-ка! – восклицает Лев. – Газета. Старая? Там о нас что-нибудь написано?

Он говорит об этом так беззаботно, словно в том, что о них пишут в газетах, есть что-то хорошее. Ребята вместе изучают первую страницу. Война в Австралии, очередная ложь политиков – все как обычно. Коннор с трудом переворачивает страницу. Газета большая, и читать ее на весу неудобно. Ветер треплет края бумаги, листы рвутся, газета все время норовит взлететь в небо, как воздушный змей.

На второй странице о них тоже ничего нет, равно как и на третьей.

– Может, это старая газета? – спрашивает Риса.

Коннор смотрит на дату, напечатанную в верхней части страницы.

– Нет, сегодняшняя, – отвечает он, с трудом переворачивая очередную страницу. – А, вот оно.

Ребята читают заголовок: «Большая авария на федеральном шоссе». Заметка очень маленькая. «Утром столкнулось несколько автомобилей...» Блаблабла. «Движение невозможно было восстановить несколько часов...» Снова блаблабла. В заметке говорится о погибшем водителе автобуса и о том, что дорогу перекрыли на три часа. Но ничего о беглецах. Коннор зачитывает последнюю строку вслух: «Вероятно, проводившаяся полицейская операция отвлекла внимание водителей, что и стало причиной аварии».

Они все растеряны. Для Коннора это облегчение – чувство, что ему сошло с рук что-то серьезное.

– Как это так? – спрашивает Лев. – Меня же похитили... ну, по крайней мере, они так думают. Это должно быть в новостях.

– Лев прав, – соглашается Риса. – Обычно об инцидентах с участием беглецов рассказывают в телерепортажах и газетных заметках.

– Значит, есть причина тому, что о нас здесь нет ни слова.

Коннор глядит на них во все глаза и поражается: как эти двое могут смотреть в зубы дареному коню?! Он заговаривает с ними медленно, как с идиотами:

– О нас не написали в новостях. Это значит, никто не увидит наши физиономии. Нас никто не узнает! Что в этом плохого?

Риса складывает руки на груди:

– А почему о нас не написали?

– Не знаю. Может, полиция мечтает замять дело. Они облажались и не хотят, чтобы люди об этом знали.

Риса качает головой, не соглашаясь с ним:

– Что-то здесь не так...

– Да какая разница!

– Говори тише! – сердито шепчет Риса.

Коннор старается не выходить из себя. Он ничего не отвечает Рисе, потому что боится снова повысить голос и привлечь к ним. Неужели Риса не понимает, что сама же пытается усложнить ситуацию?

Лев смотрит то на него, то на Рису.

Нет, Риса не дура, думает Коннор. Подумает и поймет, что все складывается как нельзя лучше и она зря волнуется.

Но Риса говорит совсем другое:

– Если нас не показывают в новостях, тогда кто узнает, живы мы или умерли? Понимаешь? Если бы наша история попала в газеты, они писали бы обо всем: как полицейские нас выслеживают, как находят, обезвреживают при помощи пуль с транквилизатором, а потом отвозят в заготовительный лагерь. Правильно?

Коннору непонятно, что она хочет сказать. Все это и так очевидно.

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает он.

– А что, если они решили не отправлять нас на разборку? Что, если они хотят нас убить?

Коннор открывает рот, чтобы сказать Рисе, что она говорит глупости, но осекается на полуслове. Потому что это вовсе не глупости.

– Лев, – спрашивает Риса, – твои родители – богатые люди, верно?

Лев со скромным видом пожимает плечами:

– Думаю, да.

– Могли они заплатить полицейским, чтобы нас не брали живыми? Чтобы привели назад только тебя? Они же думают, мы тебя похитили. Может, они не хотят придавать дело огласке?

Коннор смотрит на Льва в надежде, что тот засмеется и скажет, что предположение Рисы – фантастика, что его родители никогда бы не сделали такую ужасную вещь. Но Лев удивительно серьезен. Он стоит и молча обдумывает то, что сказала Риса.

В этот момент происходят сразу две вещи: из-за угла появляется полицейская машина и где-то поблизости начинает плакать ребенок.

* * *

Беги!

Именно эта мысль приходит в голову Коннору, но, заметив полицейских, Риса хватается за руку и удерживает на месте. Коннор не представляет, что делать, а полицейские уже близко. Бежать поздно. Мальчик знает: порой от скорости реакции зависит, погибнешь ты или останешься в живых. Но сегодня Риса нарушила обычный порядок вещей. Благодаря ее вмешательству Коннор получил возможность сделать то, чего обычно в экстренных ситуациях не делал: остановиться и подумать еще. Поразмыслив, он понимает: если они побегут, полицейские точно обратят на них внимание.

Он силой воли приказывает ногам стоять на месте и осматривается. Народа на улице уже достаточно много. Люди заводят стоящие возле домов автомобили и собираются ехать на работу. Где-то плачет ребенок. На другой стороне улицы собрались старшеклассники – болтают, толкаются и смеются. Коннор смотрит на Рису и понимает: она подумала о том же.

– Автобусная остановка! – шепчет он.

Полицейская машина медленно едет вдоль улицы. Тому, кто ничего не скрывает, может показаться, что полицейские никуда не спешат, но Коннору их поведение кажется зловещим. Трудно сказать, ищут ли полицейские их или просто патрулируют свою территорию. Он снова сдерживает желание побежать.

Они с Рисой поворачиваются спиной к машине и начинают медленно, чтобы не вызывать подозрений, переходить улицу, направляясь к остановке. Но Лев явно поддерживает их. Он смотрит прямо на приближающихся полицейских.

– Ты что, сдурел? – спрашивает его Коннор, хватая за плечо и заставляя повернуться в другую сторону. – Делай, как мы, веди себя естественно.

С другой стороны появляется школьный автобус. В этот момент ребята, стоящие на остановке, начинают собираться. Теперь можно бежать, не вызывая подозрений. Коннор первым срывается с места. Он оборачивается на бегу и произносит заранее заготовленную фразу:

– Ребята, давайте быстрее, а то опять на автобус опоздаем!

Полицейские как раз поравнялись с ними. Коннор старается держаться к ним спиной и не может видеть, наблюдают полицейские за ними или нет. Если наблюдают, то, возможно, слышали, что он сказал, подумают, что стали свидетелями обычной утренней суматохи, и не будут вдаваться в подробности.

Лев, видимо, решил, что «вести себя естественно» – значит держаться прямо, как палка, и идти вперед, выпучив глаза и не разбирая дороги, как испуганный солдат по минному полю. Выглядит он подозрительно.

– Ты не можешь побыстрее? – кричит ему Коннор. – Если я опять опоздаю, меня выгонят из школы!

Полицейские уже проехали мимо них, а автобус как раз приближается к остановке. Коннор, Риса и Лев бегут через улицу к автобусу, следуя придуманному на ходу плану на случай, если полицейские продолжают наблюдать за ними в зеркало заднего вида. Остается только надеяться, что им не придет в голову развернуться и отчитать ребят за то, что перебегают дорогу в неположенном месте.

– Мы что, действительно сядем в автобус? – спрашивает Лев.

– Нет, конечно, – отвечает Риса.

Коннор наконец решается посмотреть на полицейских. Мигает сигнал поворота, машина вот-вот исчезнет за углом, и беглецы будут в безопасности... Но в этот момент школьный автобус останавливается, водитель открывает дверь и включает красный проблесковый маячок. Тот, кому хоть раз приходилось ездить в школьном автобусе, прекрасно знает, что мигающий сигнал красного цвета означает, что все водители, находящиеся в это время на дороге, должны остановиться и пропустить машину с детьми.

Дисциплинированные полицейские тоже останавливаются, не доехав до перекрестка всего пару десятков метров. Значит, они так и будут стоять там, пока не уедет школьный автобус.

– Вот черт, – вполголоса произносит Коннор. – Теперь точно придется в него садиться.

Ребята уже практически дошли до остановки, когда звук, на который они раньше не обращали внимания, неожиданно усиливается и заставляет Коннора остановиться.

На крыльце дома, возле которого они стоят, лежит небольшой сверток. Завернутый в одеяла ребенок кричит и пытается перевернуться.

Коннор сразу понимает, в чем дело. Он уже видел ребенка на крыльце собственного дома, и даже не один раз. И хоть это совсем другой ребенок, Коннор останавливается как вкопанный.

– Билли, пошли, на автобус опоздаешь!

– Что?

Это Риса. Они со Львом стоят в нескольких метрах впереди и смотрят на него.

– Билли, пошли, не будь идиотом, – повторяет Риса сквозь крепко сжатые зубы.

Дети уже садятся в автобус. Красный проблесковый маячок продолжает мигать, и полицейская машина не двигается с места.

Коннор пытается заставить себя уйти, но не может. Дело в ребенке. Он плачет. Это другой ребенок, твердит Коннор сам себе. Не будь дураком. Только не сейчас.

– Коннор, – зовет его Риса свистящим шепотом, – что с тобой?

Дверь дома распаивается, и на крыльцо выходит толстый мальчик, по виду ученик начальной школы – лет шести, максимум семи. Он смотрит на ребенка, выпучив глаза.

– О нет! – восклицает мальчик, разворачивается и кричит в дверь: – Мам! Нам опять подбросили ребенка!

У большинства людей есть две модели поведения в критических ситуациях: драться или бежать. У Коннора всегда было три: драться, бежать или «облажаться по-королевски». Порой случалось так, что в голове у него происходило короткое замыкание, и он избирал третью модель поведения, самую опасную. Именно в таком состоянии он побежал назад, к машине, у которой стоял Лев, чтобы спасти мальчика, несмотря на то что полицейские были уже совсем рядом. И вот Коннор снова чувствует признаки умопомрачения – мозги как будто закипают. «Нам опять подбросили ребенка», – сказал толстяк. Почему он сказал «опять»?

Не надо, не делай этого, старается убедить себя Коннор. Это же не тот ребенок! Но где-то в глубине подсознания крепко засело убеждение, что ребенок все-таки тот же самый.

Наплевав на инстинкт самосохранения, Коннор бросается к крыльцу. Он так быстро подбегает к двери, что толстый мальчик резко оборачивается и с ужасом смотрит на него. Попятившись, он натывается на выходящую из дома мать. Та тоже смотрит сначала на Коннора, а потом уже вниз, на плачущего ребенка, но не нагибается, чтобы взять его.

– Кто ты такой? – спрашивает она. Толстый мальчик спрятался за ней и выглядывает из-за ноги, как медвежонок гризли. – Это ты его сюда положил? Отвечай!

– Нет... Нет, это...

– Не ври!

Коннор и сам не понимает, чего он хотел добиться, бросившись к дому. Несколько секунд назад он не имел никакого отношения к происходящему на крыльце. Но теперь, похоже, это уже его проблема.

Позади Коннора дети продолжают садиться в автобус. Полицейские продолжают стоять у перекрестка, ожидая. Возможно, бросившись к крыльцу, Коннор сам подписал себе смертный приговор.

– Это не он положил, а я, – говорит кто-то позади Коннора. Он оборачивается и видит Рису. Она уверенно смотрит на женщину. Та перестает поедать своими маленькими злыми глазками Коннора и переводит взгляд на девушку.

– Мы застукали тебя на месте, милочка, – говорит женщина Рисе. Слово «милочка» в ее устах звучит как ругательство. – По закону ты имеешь право подкинуть ребенка, но только если тебя не поймали. Так что забирай его и топай отсюда, пока я не позвала полицейских.

Коннор мучительно старается заставить работать залившие мозги.

– Но... Но...

– Заткнись, а? – говорит Риса голосом, буквально сочащимся ядом.

Стоящая на крыльце женщина улыбается, но не от радости.

– Что, папочка все испортил? Не побежал, вернулся? – спрашивает она, презрительно глядя на Коннора. – Запомни, милочка, первое правило материнства: мужчины все портят. Выучи это назубок, и жить станет легче.

Ребенок, лежащий на крыльце, продолжает плакать. Все как в игре «укради сало», когда никто не хочет оказаться в роли вора. В конце концов Риса нагибается, берет лежащего на коврик ребенка и прижимает к себе. Он продолжает плакать, но уже не так горько, как раньше.

– Теперь проваливайте отсюда, – напутствует их женщина, – или будете объясняться вон с теми полицейскими.

Коннор оборачивается и обнаруживает, что патрульную машину практически не видно за школьным автобусом. Лев стоит в дверях, поджидая их. На лице мальчика написано отчаяние. Водитель раздраженно кричит ему:

– Давай залезай, я больше ждать не могу!

Коннор и Риса отворачиваются от стоящей на крыльце женщины и бегут к автобусу.

– Риса, я...

– Заткнись, – отвечает она, – я ничего не хочу слышать.

Коннор чувствует себя хуже, чем в тот день, когда узнал, что родители подписали разрешение на разборку. Но тогда, по крайней мере, помимо ужаса, он испытывал гнев, и это чувство помогло ему продержаться. Теперь же злиться не на кого, разве что только на самого себя. Он чувствует себя совершенно беспомощным. Вся его уверенность в себе лопнула, как мыльный пузырь. Они – трое федеральных преступников, бегущих от расправы. А теперь, благодаря его идиотскому умопомрачению, у них на руках еще и ребенок.

12. Риса

Девушка никак не может понять, что нашло на Коннора. Пока ей ясно только одно: он не только склонен принимать необдуманные решения, но еще и любит играть с огнем.

Ребята заходят в автобус. Пассажиров в нем немного, и водитель закрывает за ними дверь, никак не комментируя наличие ребенка. Возможно, дело в том, что в автобусе ребенок не один: пока Риса ведет ребят в заднюю часть салона, на глаза им попадает еще одна девушка с завернутым в одеяла младенцем, которому никак не может быть больше шести месяцев. Молодая мать удивленно смотрит на них, но Риса избегает встречаться с ней взглядом.

Усевшись в конце салона, как минимум в трех рядах от других пассажиров, Лев вопросительно и испуганно смотрит на Рису.

– Слушай... – наконец осмеливается спросить он, – а зачем нам ребенок?

– Его спроси, – сердито отвечает Риса, кивая в сторону Коннора.

Коннор сидит с каменным лицом, глядя в окно.

– Они ищут двух мальчиков и девочку, – говорит он. – А с ребенком мы не попадаем под описание.

– Замечательно, – саркастически произносит Риса. – Может, каждому по ребенку взять?

Коннор становится красным как рак. Он поворачивается к Рисе и протягивает руки.

– Давай я его возьму, – говорит он. Риса отодвигает ребенка подальше:

– Он у тебя плакать будет.

Риса уже имела дело с детьми. В интернате ей время от времени приходилось работать в отделении для подкидышей. Этому младенцу, видимо, тоже суждено было там оказаться. Судя по выражению лица той женщины на крыльце, оставлять ребенка себе она не собиралась.

Она смотрит на Коннора. Лицо парня по-прежнему красное, и он избегает смотреть ей в глаза. Его объяснение – явная ложь, думает Риса. Он побежал к крыльцу по другой причине. Но какой бы она ни была, Коннор, видимо, не расположен делиться ею с ними.

Автобус резко останавливается, и в салон входят новые пассажиры. Девочка с ребенком, сидевшая впереди, переходит назад и садится прямо перед Рисой. Устроившись на сиденье, она оборачивается и смотрит на ребят.

– Привет, вы, наверное, новенькие! Меня зовут Алексис, а это Чейс.

Ребенок смотрит на Рису с любопытством и даже пытается что-то лепетать. Алексис берет ручку ребенка и машет ей, как будто играя с куклой.

– Поздоровайся с ребятами, Чейс!

Риса решает, что девочка, кажется, даже моложе ее. Алексис внимательно вглядывается в лицо ребенка, лежащего на коленях Рисы.

– Да он совсем маленький! Какая ты смелая! Я бы никогда не решилась так рано вернуться в школу! А ты отец ребенка? – спрашивает Алексис, поворачиваясь к Коннору.

– Я? – поражается мальчик. – В общем, да, так и есть, – добавляет он, взяв себя в руки.

– Как здоооорово! – восклицает Алексис. – Удивительно, что вы все еще встречаетесь. Чез – это отец Чейса – даже в нашу школу больше не ходит. Его перевели в военное училище. Родители так разозлись, когда узнали, что я, ну, это, залетела, что он сначала даже подумал, они его на разборку отдадут. Представляете?

По выражению лица Рисы можно заключить, что она с удовольствием придушила бы болтливую девчонку, но не хочет оставлять маленького Чейса сиротой.

– А у тебя мальчик или девочка? – задает следующий вопрос Алексис.

Повисает неловкая пауза, потому что никто из ребят не знает, что ответить. Риса пытается придумать, как можно узнать пол ребенка, не привлекая внимания Алексис, но ничего путного ей в голову не приходит.

– Девочка, – наконец решается она, понимая, что вероятность ошибки не может быть более пятидесяти процентов.

– А как ее зовут?

В этот момент решает вмешаться Коннор.

– Диди, – говорит он, – ее зовут Диди.

Риса не может удержаться от улыбки, хотя все еще сердится на Коннора.

– Да, – подхватывает она, – ее зовут так же, как меня. Семейная традиция.

По крайней мере, теперь Коннор хоть немного отошел от своих эмоций. Он уже не сидит с каменным лицом, а ведет себя естественно, стараясь хорошо сыграть свою роль. Физиономия у него уже не красная, только уши все еще продолжают гореть.

– Вам понравится в «Сентер НортХай», – говорит Алексис. – Это наша школа так называется. Там есть комната матери и ребенка, и персонал отличный. Начальство заботится о девочках с детьми. Некоторые учителя даже разрешают приходить в класс прямо с ребенком.

– А отцам разрешают присутствовать? – спрашивает Коннор, обнимая Рису за плечи.

Риса сбрасывает его руку и незаметно наступают ему на ногу. Коннор морщится, но ничего не говорит. Если он считает, что я его простила, думает Риса, он глубоко ошибается. Просить прощения ему придется еще долго.

– Похоже, твой брат уже с кем-то подружился, – говорит Алексис, обращаясь к Коннору.

Она показывает взглядом на пустое кресло, в котором недавно сидел Лев. Пока Коннор и Риса разговаривали с Алексис, он успел пересесть на несколько рядов вперед и теперь общается с какими-то ребятами. Риса пытается услышать, о чем они говорят, но из-за непрекращающейся болтовни Алексис это невозможно.

– Это же твой брат? – спрашивает Алексис у Коннора.

– Нет, мой, – поспешно отвечает Риса за него.

Алексис улыбается и слегка расправляет плечи.

– Ой, он симпатичный.

Риса думала, что ненавидеть Алексис больше, чем она уже ее ненавидит, невозможно. Оказывается, она ошибалась. Алексис, должно быть, по глазам понимает, о чем она думает.

– В смысле, он маленький еще, конечно, – поспешно добавляет она.

– Ему только тринадцать, – говорит Риса, бросая на девочку испепеляющий взгляд, в котором нетрудно прочесть: «Держись подальше от моего младшего брата». – Он пошел в школу на год раньше.

Теперь уже Коннор наступает ей на ногу – и самое время. Слишком уж много информации она дает Алексис. Не стоило рассказывать ей, сколько Льву лет. Кроме того, они не в том положении, чтобы заводить себе врагов.

– Прости, – говорит Риса, смягчаясь. – У нас с малышкой была тяжелая ночь. Что-то нервы шалят.

– О, можешь мне поверить, я тебя отлично понимаю.

Похоже, Алексис готова мучить их разговорами всю оставшуюся до школы дорогу. Однако, на счастье, автобус снова останавливается, и малыш Чейси ударяется подбородком о спинку сиденья. Естественно, салон тут же оглашается громким ревом. Алексис сразу превращается в заботливую мамочку, и пытка прерывается.

Риса с облегчением вздыхает.

– Слушай, я хотел извиниться перед тобой, – говорит Коннор. Риса понимает, что он раскаивается в содеянном, но простить его все еще выше ее сил.

13. Лев

Все пошло не по плану.

Лев хотел совершить побег сразу, как только они окажутся в каком-нибудь городе. Он мог убежать, когда они вышли из леса, но не убежал. Дождусь более подходящего момента, решил он. Он обязательно настанет, нужно только проявить терпение, ждать и наблюдать.

Притворяться, что он заодно с Коннором и Рисой, было тяжело. Но его грела мысль, что скоро все снова будет так, как должно быть.

Когда на улице появилась полицейская машина, Лев приготовился броситься к ней и сдать полиции. Он бы обязательно исполнил задуманное, если бы не одно обстоятельство.

В газетах не было их фотографий.

Это беспокоило Льва больше, чем других. Его семья действительно влиятельная. Играть с ними в игры бесполезно. Он был уверен, что увидит свою фотографию на первой полосе газеты. Но ее там не было, и Лев пришел в замешательство. Даже версия Рисы, согласно которой его родители попросили полицейских не брать их с Коннором живыми, показалась ему не лишённой смысла.

Что произойдет, если он сдастся полиции и если Риса права, размышлял Лев? Вдруг они тут же начнут стрельбу на поражение и убьют ребят? Могут они так поступить? Он хотел, чтобы Коннора с Рисой судили по справедливости, но взять грех на душу, став виновником их смерти, – это уже слишком. Пришлось отказаться от мысли остановить полицейскую машину.

Теперь же ситуация стала еще сложнее. Появился ребенок. Надо же такое придумать – украсть подкидыша! Нет, Коннор и Риса опасны. Лев больше не боится смерти – ясно, что убивать его никто не собирается, но ребята все равно представляют опасность, прежде всего для самих себя. Их необходимо защитить. Нужно их... нужно их... отдать на разборку. Да, для них это лучшее решение. В текущем состоянии от них никакой пользы, даже для самих себя. Это будет лучше для них, потому что внутри они сломаны. Лучше сломать физическую оболочку, чем душу. Так их души обретут покой, зная, что плоть будет распределена по миру, спасая других людей, возвращая им целостность. То же самое предстояло и ему.

Лев размышлял обо всем этом, сидя в автобусе, стараясь не обращать внимания на разброд, царивший в его собственной душе, и понимая, тем не менее, насколько все неоднозначно.

Видя, что Рису и Коннора отвлекла невероятно болтливая девчонка с ребенком, Лев перебирается на другое сиденье, ближе к водителю, чтобы увеличить дистанцию между собой и беглецами. Автобус в очередной раз останавливается, и рядом со Львом оказывается какой-то мальчик. Усевшись на сиденье, мальчик надевает наушники и начинает напевать. Льву музыки не слышно. Мальчик ставит рюкзак на сиденье между ними, прижав Льва к окну, и начинает копаться в меню плеера, не обращая на соседа ни малейшего внимания.

В этот момент Льву приходит в голову светлая мысль. Оглянувшись, он обнаруживает, что Риса и Коннор до сих пор поглощены беседой с болтливой девчонкой. Тогда Лев осторожно засовывает руку в рюкзак соседа и вытаскивает оттуда потрепанную тетрадь на которой большими черными буквами написано: «Алгебра – это смерть». Надпись окружена миниатюрными черепами и скрещенными костями. Страницы испещрены беспорядочными математическими выкладками и черновиками домашних заданий. Все время, пока Лев разглядывает блокнот, мальчик занят выбором музыки и не следит за рюкзаком. Взяв ручку, Лев быстро пишет на пустой странице: «НУЖНА ПОМОЩЬ! МЕНЯ ДЕРЖАТ В ЗАЛОЖНИКАХ ДВА МАЛОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКА. КИВНИ, ЕСЛИ ПОНЯЛ...» Закончив писать, Лев толкает мальчика в плечо, чтобы привлечь его внимание. Приходится толкнуть дважды, и только после этого мальчик оборачивается:

– Да?

Лев осторожно передает ему тетрадь, стараясь сделать так, чтобы с заднего сиденья его действия не были заметны. Посмотрев на него, мальчик говорит:

– Эй, это же моя тетрадь.

Лев задерживает дыхание, потому что теперь Коннор смотрит на него.

Нужно быть предельно осторожным.

– Я знаю, что это твое, – говорит Лев, стараясь основной смысл послания передать по возможности глазами. – Мне нужен... только... один лист.

Он поднимает раскрытый блокнот выше, чтобы мальчик видел, что написано, на странице, но сосед на нее даже не смотрит.

– Я тебе не разрешал, – говорит он. – Сначала нужно было спросить, а потом уже брать.

Он, не глядя, вырывает из тетради исписанный листок и, к ужасу Льва, скомкав его, бросает в голову мальчику, сидящему впереди. Тот не обращает на него ни малейшего внимания, и скомканный листок падает на пол. Автобус останавливается, дети начинают выходить на улицу, и Лев понимает, что по его надежде прошли три десятка пар изношенных ботинок.

14. Коннор

На стоянке школы собралось не менее десятка автобусов. Дети, боясь опоздать, ломались во все входы в здание. Спускаясь по ступенькам вслед за Рисой и Львом, Коннор оглядывается, выискивая возможность сбежать, но ее нет – кругом слишком много школьных охранников и учителей. Даже сама по себе попытка пойти в другую сторону, прочь от школы, тут же привлечет внимание.

– Не можем же мы туда пойти, – говорит Риса.

– Почему нет? – спрашивает Лев, который чем-то сильно взволнован.

Кое-кто из учителей их уже заметил. Хотя в школе, если верить Алексис, есть центр для молодых матерей, ребенок на руках все равно привлекает излишнее внимание.

– Пойдем внутрь, – решает Коннор. – Спрячемся там, где нет камер слежения. В мужском туалете.

– В женском, – возражает Риса. – Там чище и кабинок больше.

Коннор размышляет над ее словами и приходит к выводу, что обе поправки верны.

– Ладно. Посидим там до перерыва на ланч, а потом уйдем с теми, кто пойдет обедать в город.

– Это в случае, если ребенок будет вести себя соответствующим образом, – напоминает ему Риса. – Рано или поздно ему захочется есть, а у меня ничего подходящего нет. Надеюсь, ты это понимаешь. Если же он начнет плакать в туалете, слышно будет по всей школе.

Риса обвиняет его, это понятно по ее голосу. Такое впечатление, что на самом деле она хочет сказать что-то вроде: «Ты хоть понимаешь, в какое сложное положение нас поставил?»

– Давайте надеяться, что он не будет плакать, – говорит Коннор. – А если будет, я разрешу тебе ругать меня всю дорогу до заготовительного лагеря.

* * *

Коннору не в первый раз приходится прятаться в туалете. Только раньше он делал это, когда не хотел идти на какой-нибудь урок. Но сегодня все не так: в классе его не ждут, а если поймают, накажут почище, чем в воскресной школе.

Услышав первый звонок к началу уроков, ребята незаметно проскальзывают в женский туалет и прячутся в кабинках. Коннор объясняет им тонкости этого непростого дела: как отличить шаги ученика от шагов взрослого; когда нужно поднимать ноги, чтобы все думали, что в туалете никого нет, и когда достаточно сказать, что кабинка занята. Риса и Лев могут позволить себе отвечать «незванным гостям», если таковые появятся, потому что тембр голоса у обоих достаточно высокий, но Коннору уже слишком много лет, чтобы успешно притвориться девочкой.

Ребята прячутся вместе, но в то же время каждый остается наедине с собой в кабинке. К всеобщему облегчению выясняется, что входная дверь визжит, как недорезанная свинья, каждый раз, когда кто-то входит в туалет. В начале первого урока в уборную забегает несколько девчонок, а потом становится совсем тихо. Тишину в гулком помещении нарушает только звук беспрерывно льющейся воды в сливе.

– До перерыва на ланч мы здесь не продержимся, – мрачно возвещает Риса, сидящая по левую сторону от Коннора. – Даже если ребенок будет все время спать.

– Ты будешь удивлена, как долго можно просидеть в туалете.

– В смысле, ты этим часто занимался? – спрашивает Лев, который прячется справа.

Коннор понимает, что только что добавил еще один эффектный мазок к портрету негодя, который Лев нарисовал у себя к голове. Ладно, так даже лучше. Может, он даже и прав.

Раздается скрип – кто-то вошел в туалет. Все умолкают. Тихие, поспешные шаги – ученица в кедах. Лев и Коннор поднимают ноги, Риса, как договаривались, продолжает сидеть спокойно. Ребенок подает голос, и Риса удачно заглушает его кашлем. Через минуту девочка уходит.

Дверь снова скрипит, и ребенок тихонько кашляет. Коннор отмечает про себя, что малыш, вероятно, здоров. Это хорошо.

– Кстати, – говорит Риса, – это девочка.

Коннор хочет снова предложить ей подержать ребенка, но приходит к выводу, что проблем от этого может быть больше, чем пользы. Он не знает, как держать ребенка так, чтобы он не плакал. Потом ему приходит в голову, что неплохо бы рассказать ребятам, почему на него нашло умопомрачение, в результате которого у них на руках оказался новорожденный младенец.

– Во всем виноват этот парень.

– Что?

– Там на крыльце стоял такой толстяк, помните? Так вот, он сказал, что им «снова ребенка подкинули».

– И что? – спрашивает Риса. – Многим подкидывают детей по несколько раз.

Лев тоже решает присоединиться к разговору.

– Так было и в моей семье, – раздается его голос с другой стороны. – Среди моих братьев и сестер два мальчика и одна девочка – подкидыши. Они появились в семье раньше, чем родился я. Никто никогда не считал их обузой.

Коннор некоторое время размышляет над тем, стоит ли доверять информации, которой поделился Лев, потому что он, по его собственному признанию, в то время еще не родился. В конце концов, это неважно, решает он.

– Прекрасная семья, – замечает Коннор вслух. – Подкидышей растят, как своих, а собственных детей, плоть и кровь, отдают на разборку. Ой, прости, приносят в жертву.

– К жертвоприношению, между прочим, призывает Библия, – обиженно отзывается Лев. – Там сказано, что человек обязан отдать Богу десятую часть того, что имеет. И про подкидышей там тоже есть.

– Нет этого в Библии!

– А как же Моисей? – спрашивает Лев. – Моисея же положили в корзину и пустили плыть по Нилу. Его нашла дочь фараона. Он был первым подкидышем, и посмотрите, что с ним стало!

– Да, согласен, – говорит Коннор, – а что стало со следующим младенцем, которого она нашла в реке?

– Вы не можете говорить тише? – требует Риса. – Вас могут услышать в холле. Кроме того, вы можете разбудить Диди.

Коннор делает паузу, чтобы собраться с мыслями, после чего продолжает рассказывать, на этот раз шепотом. Впрочем, они сидят в туалете, где стены выложены плиткой и слышимость отличная.

– Нам подкинули ребенка, когда мне было семь.

– И что? – спрашивает Риса. – Велика беда.

– Тогда для нас это было бедой. По ряду причин. Понимаешь, в семье и так уже было двое детей. Родители не планировали растить еще одного. В общем, однажды утром на крыльце появился ребенок. Родители жутко испугались, но потом им в голову пришла идея.

– Я действительно хочу это услышать? – спрашивает Риса.

– Может, и нет, – говорит Коннор, понимая, что остановиться уже все равно не может. Он просто должен рассказать им все, и прямо сейчас. – На дворе было раннее утро, и родители предположили, что ребенка никто не видел. Логично, правда? На следующий день, еще до того, как все встали, отец положил малыша на крыльцо соседнего дома.

– Это незаконно, – прерывает его Лев. – Если ребенка подкинули и ты не застал того, кто это сделал, на месте, он твой.

– Правильно, но мои родители подумали: кто узнает? Они обязали нас хранить все в секрете, и мы приготовились услышать новость о том, что в дом на другой стороне улице подбросили ребенка... но так и не услышали. Соседи не рассказывали, а мы не могли спросить, потому что выдали бы себя с потрохами и фактически признались бы, что ребенка подбросили мы.

Продолжая, Коннор чувствует, что и без того маленькая кабинка как будто сужается. Вроде бы товарищи по несчастью никуда не делись, сидят с двух сторон от него, но ему тем не менее ужасно одиноко.

– Мы продолжали жить как ни в чем не бывало, пока однажды утром, открыв дверь, я вновь не обнаружил на этом дурацком придверном коврикe ребенка в корзине... Помню, я... чуть было не рассмеялся. Вы представляете? Мне это показалось смешным. Я повернулся, чтобы позвать маму, и сказал: «Мам, нам опять ребенка подкинули», – в общем, в точности как тот толстяк сегодня утром. Мама расстроилась, принесла ребенка в дом... и поняла...

– Не может быть! – восклицает Риса, догадавшаяся обо всем раньше, чем Коннор закончил рассказ.

– Да, это был тот же ребенок! – говорит Коннор. Он пытается вспомнить, как выглядело его личико, но не может – в памяти все время всплывает лицо малыша, лежащего на коленях Рисы. – Получается, ребенка передавали из рук в руки всем районом целых две недели – каждый раз его оставляли на чьем-то крыльце... Это был тот же ребенок, только выглядел он значительно хуже.

Раздается скрип двери, и Коннор поспешно умолкает. Слышится шарканье. Пришли две девочки. Они болтают о мальчиках, свиданиях и вечеринках без родителей. Даже в туалет не идут. Наговорившись, девочки уходят, и дверь, закрывшаяся за ними, скрипит. Ребята снова остаются одни.

– Так что же случилось с ребенком? – спрашивает Риса.

– К тому моменту, когда он снова появился на пороге нашего дома, он уже был болен. Кашлял, как тюлень, а кожа и глазные яблоки были желтоватого оттенка.

– Желтуха, – тихо произносит Риса. – Много кто из наших появился в интернате в таком состоянии.

– Родители отвезли малыша в больницу, но врачи уже ничего не могли сделать. Я ездил с ними. Видел, как ребенок умер.

Коннор закрывает глаза и сжимает зубы до скрежета, чтобы только не заплакать. Понятно, что другие его не видят, но плакать все равно нельзя.

– Помню, я думал: если ребенка никто не любит, зачем Господу понадобилось приводить его в этот мир?

Интересно, думает Коннор, а что скажет по этому поводу Лев? В конце концов, когда разговор заходил о религии, у него на все находился ответ. Но Лев сказал только:

– Я и не знал, что ты веришь в Бога.

Коннор делает паузу, чтобы подавить обуревающие его чувства.

– В общем, согласно закону, ребенок уже был членом нашей семьи, – говорит он, сладив с собой, – поэтому хоронили его мы на свои деньги. Его даже назвать никак не успели, а дать ему имя после смерти родители не решились. Он так и остался «младенцем из семьи Лэсситер». При жизни малыш никому не был нужен, но на похороны пришли жители всех окрестных домов. Люди плакали так, будто умер их собственный ребенок... И тут я понял, что больше всех плачут те, кто утром перекладывал его на чужое крыльцо. Они плакали, потому что, подобно моим родителям, чувствовали себя виноватыми в его смерти.

Коннор умолкает, и в туалете воцаряется гробовая тишина, нарушаемая только журчанием в испорченном бачке. В мужском туалете за стеной кто-то громко спускает воду, и звук отдается эхом вокруг них.

– Нельзя отказываться от детей, оставленных на пороге твоего дома, – говорит наконец Лев.

– Прежде всего нельзя их подкидывать, – возражает Риса.

– В общем, много чего делать нельзя, – резюмирует Коннор. Он понимает, что Лев и Риса по-своему правы. В идеальном мире матери не отказываются от детей и совершенно незнакомые люди радуются, обнаружив младенца на своем крыльце. В этом мире существует только черное и белое, правильное и неправильное, и все знают, в чем разница между одним и другим. Но это не идеальный мир. К сожалению, не все это понимают. – Ладно, я просто хотел, чтобы вы знали.

Через несколько секунд звенит звонок, и в холле начинается суматоха. Дверь скрипит не переставая, девчонки хохочут и болтают о всякой ерунде.

– В следующий раз надевай платье.

– Можно у тебя учебник по истории одолжить?

– Контрольная была нереально трудная.

Дверь скрипит не переставая, и кто-то постоянно стучит в дверь кабинки, в которой сидит Коннор. Никто из девочек не обладает достаточным ростом, чтобы заглянуть за перегородку, и посмотреть вниз, на ноги, желания ни у кого не возникает. Звенит звонок, возвещающий конец перемены, и последняя девочка убегает в класс. Начался второй урок. Если повезет, в этой школе есть большая перемена, во время которой им, возможно, удастся сбежать. Из кабинки, в которой сидит Риса, раздаётся всхлипывание – ребенок просыпается. Малышка еще не плачет, только хнычет. Она проголодалась, но, видимо, пока не сильно.

– Давай поменяемся кабинками? – спрашивает Риса. – А то на следующей перемене сюда могут зайти те, кто уже был в туалете в прошлый раз. Увидев в кабинке те же ноги, они заподозрят неладное.

– Хорошая мысль.

Внимательно прислушиваясь, чтобы не пропустить звук приближающихся шагов, Коннор открывает дверь кабинки и выходит. Дверь, за которой прятался Лев, тоже открыта, но он не спешит появляться. Коннор настежь открывает дверь кабинки, и Льва там нет.

– Лев? – зовет его Коннор. Риса молча качает головой. Они проверяют все кабинки и возвращаются к той, в которой сидел Лев, словно надеясь все-таки застать его там. Но нет. В этот момент малышка Диди начинает рыдать, как белуга.

15. Лев

Льву кажется, что его сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

Если это случится, он рухнет на пол и умрет прямо здесь, в школьном коридоре. Он выскочил из туалета во время звонка, и для этого пришлось собрать в кулак всю волю. Теперь нервы звенят, как натянутые струны. Лев заранее открыл задвижку и удерживал дверь руками целых десять минут, дожидаясь звонка, заглушившего все остальные звуки. После этого нужно было добежать до выхода, стараясь не скрипеть подошвами новых кед, чтобы девочки не обратили на него внимания. (И зачем делать спортивную обувь такой шумной? В чем же тогда можно ходить беззвучно?) Самостоятельно открыть скрипучую дверь и выскочить Лев не мог, пришлось ждать, пока за него это сделает дежурная по туалету. Поскольку звонок на урок уже был, ему пришлось ждать всего несколько секунд. Она потянула за дверь снаружи, и Лев тут же выскочил из туалета, надеясь, что девушка не скажет что-нибудь такое, что его выдаст. Если она начнет выговаривать ему за то, что он, мальчик, пробрался в женский туалет, Коннор и Риса все поймут.

– В следующий раз надевай платье, – сказала ему дежурная, насмешив подружку. Достаточно ли было этих слов, чтобы вызвать подозрения Коннора и Рисы? Лев не стал возражать, чтобы выяснить это. Он ринулся вперед по коридору, чтобы оказаться как можно дальше от опасных соседей.

Затерявшись в бесконечной сети коридоров, Лев старается восстановить дыхание. На него налетает целая толпа школьников, спешащих на следующий урок. Ребята толкают его, огибают справа и слева. На мгновение Лев перестает понимать, где он и куда его несет. Ребята по большей части крупнее и выше его. Нечто внушительное, пугающее. Такой всегда представлял себе Лев старшую школу, где полным-полно опасных, склонных к насилию подростков. Раньше ему никогда не приходило в голову, что он может туда попасть, ему и восьмой класс не было суждено закончить.

– Простите, вы не подскажете, где приемная директора? – спрашивает Лев у мальчика, бегущего не так быстро, как остальные. Тот смотрит на него сверху вниз, как будто Лев упал с Марса.

– Как ты можешь этого не знать? – спрашивает здоровяк и удаляется, качая головой. Другой, более отзывчивый ученик показывает, куда ему идти.

Лев знает: все должно снова стать правильным. И лучше места, чем школа, для этого не найти. Если полицейским дали секретное задание убить Коннора и Рису, они ни за что не станут этого делать там, где так много детей. А если он все хорошенько продумает, их не убьют вовсе. Если его план осуществится, их просто отправят туда, где им надлежит быть, – в заготовительный лагерь. Судьба всех троих была предопределена, и все должно идти так, как было задумано.

Расстаться с жизнью Льву по-прежнему страшно, но жить, не зная, что случится в следующую минуту, еще страшнее. Это настоящий ужас. Его вырвали из круга привычных понятий, отняли у него цель, и никогда раньше он еще так не нервничал. Зато теперь Льву понятно, зачем Господь обрек его на это испытание. Это урок. Всевышний хотел, чтобы Лев узнал, что случается с детьми, пытающимися избежать того, что предопределено: они становятся потерянными.

Лев находит приемную, заходит внутрь и останавливается у стола секретаря, ожидая, пока его заметят. Однако женщина слишком занята бумагами и не видит его.

– Прошу прощения... – говорит тихонько Лев.

Дама наконец поднимает голову и видит его.

– Что я могу для тебя сделать, дружок? – спрашивает она.

– Меня зовут Леви Колдер. Меня похитили двое подростков, сбежавших по пути в заготовительный лагерь, – говорит Лев, откашлявшись, чтобы голос не дрожал.

Женщина, поначалу слушавшая его вполуха, вся превращается в слух.

– Что ты сказал? – переспрашивает она.

– Меня похитили, – объясняет Лев, – но мне удалось сбежать. Они до сих пор здесь. У них маленький ребенок.

Дама вскакивает на ноги и кричит, ее голос дрожит, будто она увидела призрак. Она зовет директора, и директор вызывает охрану.

* * *

Через минуту Лев уже находится в кабинете медсестры. Девушка ощупывает его, как будто он болен.

– Не волнуйся, – говорит она, – что бы с тобой ни случилось, все позади.

Сидя в кабинете медсестры, Лев не может знать, поймали Коннора и Рису или нет. Он надеется, что если поймали, то сюда, по крайней мере, не приведут. Ему будет стыдно смотреть им в глаза. Но как странно, думает он, мне не должно быть стыдно, ведь я поступил правильно.

– Мы уже вызвали полицию, – говорит ему медсестра. – Скоро ты поедешь домой.

– Я не поеду домой, – возражает Лев. Медсестра удивленно смотрит на него, и Лев решает не вдаваться в детали. – Ладно, не важно, – говорит он. – Могу я позвонить родителям?

Медсестра в замешательстве.

– Ты хочешь сказать, что им еще никто не звонил? – спрашивает она, неуверенно глядя в сторону стоящего на столе аппарата. Потом разыскивает в кармане сотовый телефон. – Позвони и скажи, что все в порядке. Можешь говорить столько, сколько нужно.

В течение пары секунд она стоит и смотрит на мальчика, но потом, спохватившись, выходит из комнаты, чтобы дать ему возможность спокойно поговорить с родителями.

– Я буду рядом. Позови меня, когда закончишь.

Лев набирает номер, но останавливается. Ему не хочется говорить с родителями. Стерев цифры, которые он уже успел ввести, он набирает другой номер, замирает и после пары секунд размышлений нажимает кнопку вызова.

Ждать приходится недолго; после второго гудка он слышит:

– Алло?

– Пастор Дэн?

После секундной задержки священник узнает мальчика.

– Боже мой, Лев? Лев, это ты? Где ты?

– Не знаю. В какой-то школе. Послушайте, пастор, вы должны позвонить родителям и попросить, чтобы они дали полицейским отбой! Я не хочу, чтобы их убили.

– Лев, подожди. С тобой все в порядке?

– Меня похитили, но ничего мне не сделали. Я тоже не хочу, чтобы с ними что-то случилось. Скажите отцу, чтобы остановил полицейских!

– Я не понимаю, о чем ты говоришь. Мы не сообщали в полицию.

Такого Лев просто не ожидал.

– Что?..

– Родители хотели это сделать. Хотели устроить розыск по всей стране, но я убедил их отказаться от этой мысли. Я сказал, что раз тебя похитили, значит, на то воля Господа.

Лев потрясен. Ему кажется, что он спит и разговаривает с пастором во сне. В надежде проснуться он даже начинает трясти головой.

– Но... зачем вы это сделали?

Голос пастора стал взволнованным.

– Лев, послушай меня. Слушай внимательно. Никто, кроме нас, не знает, что ты сбежал. Пока что все уверены, что тебя принесли в жертву, и вопросов никто не задает. Понимаешь, о чем я?

– Но... я действительно хочу, чтобы меня принесли в жертву. Так и должно было быть. Нужно позвонить родителям и попросить их забрать меня. А потом мы все вместе поедem в заготовительный лагерь.

Пастор Дэн приходит в ярость:

– Не заставляй меня это делать! Я прошу тебя, не заставляй!

Такое впечатление, что пастор с кем-то сражается, но не со Львом, это точно. Человек, с которым разговаривает Лев, настолько не похож на священника, которого он так давно и хорошо знает, что мальчику даже кажется, что на другом конце не пастор, а кто-то другой. Его как будто подменили: голос тот же, но мысли, убеждения – все это Льву совершенно незнакомо.

– Ты что, не понимаешь, Лев? Ты можешь спастись. Можешь стать кем угодно.

И вдруг Льву все становится понятно. В тот день пастор Дэн приказывал ему бежать вовсе не от похитителей. Он хотел, чтобы Лев бежал от себя. От того, что хотят сделать с ним родители. От предстоящего жертвоприношения. Пастор произнес сотни проповедей и прочел несметное количество лекций, и Лев был уверен в своем священном предназначении, но все это было обманом. И самое страшное, что человек, который больше всех убеждал его в праведности избранного пути, сам в это не верил.

– Лев? Лев, ты слышишь меня?

Лев слышит, но он не хочет слушать. Ему больше не хочется говорить с человеком, который привел его к краю обрыва и заставляет повернуть назад в последнюю минуту. Внутри начинается настоящая буря, чувства сменяют друг друга, как узоры в калейдоскопе. Ярость, умиротворение, радость, ужас. В какой-то момент Льву кажется, что страх наполнил его существо целиком, подобно яду, и он может чувствовать его запах, похожий на испарения кислоты. Внезапно его состояние меняется, и вот он уже вне себя от счастья – что-то подобное он испытывал, махнув битой и услышав, как она со звоном ударила по мячу. Только теперь он не игрок с битой, а мяч, стремительно улетающий бог знает куда. Раньше его жизнь была похожа на бейсбольную площадку – аккуратно разлинованную, идеально ровную и гладкую. Все происходящее подчинялось правилам, и ничто никогда не менялось. Теперь же он вылетел за пределы поля, перелетел через стену и упал неизвестно где.

– Лев? – зовет его пастор Дэн. – Ты пугаешь меня. Отзовись.

Лев набирает полную грудь воздуха, потом медленно выдыхает его.

– До свидания, сэр, – говорит он и кладет трубку.

Взглянув в окно, Лев видит съезжающиеся к школе полицейские машины. Если Коннора и Рису еще не поймали, значит, скоро поймут. Медсестры у двери нет – она отчитывает директора за то, что он отдает неверные распоряжения в чрезвычайной ситуации.

– Почему вы сразу не позвонили родителям бедного мальчика? Почему не эвакуируете детей и персонал?

Лев знает, что нужно делать. Это несправедный поступок. Он должен сделать нечто плохое. Но вдруг ему становится ясно, что отныне ему наплевать, грешит он или нет. Осторожно выбравшись из кабинета, он незаметно проскальзывает прямо за спиной медсестры и директора и устремляется вперед по коридору. Чтобы найти то, что он ищет, требуется не более секунды. Лев тянется к небольшой красной коробке, висящей на стене. Теперь и потерян, думает он, но мне все равно. Чувствуя пальцами холод стали, Лев нажимает красную кнопку, и тишину разрывает душераздирающий вой пожарной сигнализации.

16. Учительница

Сигнал тревоги раздаётся в то время, когда ей следует готовиться к уроку, и учительница, мысленно чертыхаясь, клянёт судьбу. Можно было бы остаться и поработать, пока в классе никого нет, а ложная – она всегда ложная – тревога тем временем закончится сама собой. Но потом учительница решает, что, оставшись, подаст нехороший пример проходящим мимо ученикам.

Выйдя из класса, она обнаруживает, что в коридоре полным-полно детей. Коллеги пытаются поддерживать порядок, но это старшеклассники, и навыки построения по учебной тревоге, которыми они овладели в младших классах, давно забыты. Кровь бурлит от гормонов, и тело, опережающее разум по развитию, удержать в состоянии покоя удастся далеко не всем.

Неожиданно учительница замечает нечто удивительное, обстоятельство, которое неприятно ее поражает.

У кабинета директора стоят двое полицейских. Их определенно раздражают толпы орущих детей, пронсящие мимо них к выходу. Зачем здесь полиция? Почему не пожарные? И как им удалось приехать так быстро? Такого не может быть – кто-то вызвал их раньше, чем раздался сигнал тревоги. Но зачем?

Последний раз полицейские были в школе, когда поступил звонок, предупреждавший об угрозе взрыва. Персонал и школьников эвакуировали, но никто толком не знал зачем. Оказалось, никаких террористов в школе не было – тревога была ложной. Кто-то из учеников решил пошутить. Тем не менее угроза появления клапперов считается серьезной, так как никто не может сказать на сто процентов, есть они в помещении или нет.

– Пожалуйста, не толкайся! – говорит она ученику, зацепившему ее локтем. – Я уверена, всем удастся выбраться на улицу и без этого.

– Прошу прощения, мисс Стейнберг, – извиняется парень.

Проходя мимо одной из лабораторий, где ребята ставят опыты, учительница замечает, что дверь открыта. Осторожности ради она заглядывает внутрь, чтобы проверить, не забрел ли туда кто-нибудь из учеников, не желающих участвовать во всеобщем столпотворении. На каменных столешницах лабораторных столов пусто, и стулья аккуратно расставлены по местам. Судя по всему, лабораторной работы на этом уроке ни у кого не было. Учительница хочет закрыть дверь, скорее по привычке, нежели чем по необходимости, но неожиданно ее внимание привлекает звук, которого здесь быть не должно.

Где-то рядом плачет ребенок.

Сначала учительница думает, что звук доносится из комнаты матери и ребенка, но она находится слишком далеко, в другом конце коридора. Ребенок плачет прямо здесь, в лаборатории. Она снова слышит его, но на этот раз звук тише, хотя малыш явно чем-то рассержен. Похоже, решает мисс Стейнберг, кто-то пытается прикрыть рот ребенку, чтобы он не плакал. Эти молодые мамы всегда так поступают, попав с ребенком туда, где им быть не положено. Кажется, ни одна из них не понимает, что ребенок, если пытаться прикрыть ему рот, будет плакать еще громче.

– Все, веселье окончено, – говорит учительница. – Вам следует быть на улице со всеми остальными.

Никто не выходит. Ребенок принимается плакать еще громче. Слышен чей-то шепот, но о чем говорят, учительница не понимает. Окончательно раздражаясь, мисс Стейнберг решительно направляется в глубь лаборатории, попутно заглядывая под столы справа и слева. Наконец она находит тех, кого искала: за одним из столов прячется девочка с ребенком. Она не одна, с ней мальчик. Вид у обоих растерянный. Ребенок плачет. Мальчик, судя по всему, готов сбежать, но девочка крепко хватает его за руку, не позволяя встать. Он подчиняется.

Мисс Стейнберг конечно же не помнит имена всех детей в школе, но уверена, что знает каждого в лицо и уж точно помнит наперечет всех молодых матерей. Эту девочку она не знает, и мальчика тоже.

Девочка смотрит на нее умоляющими глазами. Говорить она не может – слишком страшно, только качает без конца головой.

– Если вы скажете кому-нибудь, что видели нас, нам конец, – говорит мальчик.

Девочка прижимает к груди ребенка. Он продолжает плакать, но уже не так громко. Так вот кого ищет полиция, думает мисс Стейнберг. Но по каким причинам, остается лишь гадать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.